

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VII т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1963

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VII

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1963

клоре, в социальной организации, в быту и т. д., которые можно осмыслить как пережитки тотемистических представлений. И хотя универсальность тотемизма, его повсеместное распространение в прошлом сейчас не подлежат сомнению, новые подтверждения существования тотемизма у предков какого-либо народа имеют большой научный интерес.

Изложенные факты показывают, каким образом происходит изменение прежних представлений. Как уже упоминалось, население неодинаково относится к обычаям и верованиям; многие старики вообще отвергают подобные воззрения как суеверия или объясняют их рационалистически. Так, многие говорят, что мясо горного барана «не святое», а полезное, что шкура его прежде широко употреблялась как молитвенный коврик из-за отсутствия другого материала, что рога кейика кладутся на могилу в декоративных целях или для того, чтобы отличить отдельные могилы. Многие утверждают, что могилы можно украшать и рогами домашнего барана и даже дикого козла. Это мнение особенно распространено у иомутов, меньше — у гокленов, совсем мало — у нохурли. Магическое назначение изображения рогов барана на капителях сейчас большинство населения отрицает, а признает, что это делается для красоты. Для декоративных же целей, по мнению многих, украшают намазлыки узором, изображающим бараньи рога. Часто население вообще не может объяснить тот или иной обычай.

Ознакомление с верованиями и обычаями, связанными с почитанием животных и деревьев, представляет некоторый интерес и в свете понимания закономерностей процесса отхода населения СССР от религии. Наблюдения современного состояния религиозности сельского населения в различных областях и районах страны неизбежно приводят к выводу, что прежде всего отмирает официальная сторона религии. Представления и обряды, которым посвящена эта работа и которые являются элементами этнографической специфики, исчезают гораздо быстрее, чем идеи и предписания ислама. Характерно, что молодёжь почти не знакома с уходящими в прошлое воззрениями, описанными нами выше.

А. ДЖИКИЕВ

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ТУРКМЕН-САЛЫРОВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

В свадебных обрядах туркменских племен в прошлом, несмотря на общее их сходство, сохранились значительные локальные особенности, изучение которых имеет большое научное значение. В свадебных обрядах больше всего сохраняются пережитки архаичных брачных институтов, раскрывающих положительные и отрицательные стороны быта населения в определенную историческую эпоху. В этом отношении интересен и свадебный обряд туркмен-салыров в прошлом¹.

В письменных источниках о свадьбе туркмен-салыров встречаются лишь незначительные отрывочные данные. Поэтому данная статья написана на основе полевых этнографических материалов автора². Материалы по свадьбе других туркменских групп позволяют провести аналогии и несколько облегчат нашу задачу.

У салыров, как и у большинства туркменского населения, был распространен сговор малолетних детей. Сговор «гелешдирмек» (буквально—соединение) мог быть заключен также в зрелом возрасте за один—два года до свадьбы. Сговор под таким же названием «гелешдирмек» широко

¹ Свадебные обряды салыров с конца XIX в. претерпели значительные изменения под воздействием на них соседей-текинцев.

² В статье здесь и в дальнейшем использованы также данные о свадьбе у туркмен-эрсари (информация 61-летней Огулбек Шираялы из сельсовета «Пальварт», Халачского района. Запись научного сотрудника ИЛ АН ТССР Берхан Ягмырова).

практиковался у туркмен-эрсары. У них при сговоре благословляли словами:

«Улашсына улашсын,
Элин яга-булашсын;
Улы оглан ойленсин,
Кичи гызын, гелешсин.

Соединяйтесь, соединяйтесь,
Пусть Ваши руки будут в масле:
Старший сын женится.

А у младшей дочки будет сговор с таким-то.

У марыйских туркмен³ и у туркмен-эрсары мать мальчика в знак обручения завязывала на голову девочки красный шелковый платочек. У прибрежных туркмен родители мальчика во время сговора (адагламак) дарили девочке серебряную монету, которую она должна была носить на шее⁴.

Родители 16—17-летнего юноши (если он не был обручен раньше) начинали искать для своего сына невесту. Первое слово в подборе её принадлежало самой старшей женщине (гарры-апа) в семье. Она с согласия членов семьи (юноша об этом мог не знать ничего) начинала интересоваться, у кого в ауле имеется подходящая для них дочь. Если девушка из села, где живет семья жениха, то это значительно облегчало задачу; легче бывало установить происхождение ее родителей, ее поведение, работоспособность и другие качества. Если не находили подходящей девушки в родном ауле, то приходилось искать ее в другом салырском ауле. В таком случае перед тем, как сватать, от знакомых узнавали все необходимые сведения о ней и ее родителях. Как и другие туркмены, салыры делились на «чистокровных» (туйс) и «нечистокровных» (гул), происходивших из другого народа, племени или же от смешанного брака. Поэтому при подборе невесты каждый старался породниться с достойным себе, то есть «туйс» искал «туйс», а «гул» также искал невесту среди ему равных.

У марыйских текинцев был обычай, по которому при выборе невесты большое внимание обращалось на ее происхождение, то есть чтобы она по происхождению «кости» (сунг) была не ниже (пес) жениха⁵.

После определения подходящей кандидатуры «гарры-апа», то есть старая женщина в семье юноши, в сопровожде-

³ К. Овезбердыев. Семья и семейные отношения у туркмен в конце XIX и начале XX в. (по материалам Марыйской области). Рукопись, стр. 123.

⁴ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, стр. 122.

⁵ К. Овезбердыев. Указ. работа, стр. 117.

нии двух-трех старух навещала дом невесты. На этот раз происходил разговор только между женской половиной обеих семей, и сваты намеками давали понять, зачем они пришли. Со стороны невесты в разговоре участвовали ее мать, сестра и некоторые близкие родственницы. В перерыве между беседой хозяйка передавала мужу, зачем пришли гости. В случае предварительного согласия она говорила сватам, что вопрос должен быть решен с согласия мужа и что пусть они отправят к нему своих мужчин. Через несколько дней дом невесты навещала делегация мужчин в составе отца юноши и двух-трех влиятельных стариков аула. Если у юноши нет отца, то его заменял один из старших братьев (обо всем этом юноша ничего не знал). После приветственных церемоний глава делегации (им обычно был отец жениха) обращался к хозяину дома со словами: «Мы слышали, что у Вас имеется подходящая для нашего сына дочка, и пришли породниться с Вами (биз сизде машгала бар экен дийип эшитдик ве гарындаш болмага гелдик)». На это хозяин отвечает: «Хорошо, что Вы пришли, но на этот раз ничего определенного мы не можем сказать, нужно посоветоваться с родственниками» (Хош гелипсиң бу сапар гайп. Мен гарындашларыма маслахат салжак). После ухода гостей родители и родственники девушки начинали интересоваться происхождением (сунги), способностями юноши и тем, может ли он защищать свою честь. Если семья невесты была уважаемая и зажиточная, то у девушки не спрашивали ее согласия на брак, но в бедной семье девушка до некоторой степени определяла свою судьбу. По истечении 10 дней отец юноши приходил за ответом. За это время родители девушки принимали решение.

В случае согласия отец через один-два дня появлялся с тремя-четырьмя стариками (яшулы) для определения выкупа (мал кесмек) за невесту. В этой сделке со стороны невесты участвовали также два-три старика — ее близкие родственники. Размер выкупа определялся отцом и матерью невесты, причем обязанности между ними распределялись: отец брал на себя определение размеров денежной и материальной части, мать — числа халатов и других вещей. Размер выкупа в начале XX в. во многом зависел от состоятельности семьи и личных качеств невесты. Выкуп за невесту из бедной семьи был значительно меньше. По словам наших информаторов, во времена дедов (имеется в виду период до присоединения Туркмении к России) размер калыма был очень незначительным — платили лишь за «молоко» матери.

Средний размер выкупа равнялся 30 персидским туманам.

нам⁶, стоимости скота (100 туманов), четырех откормленных баранов, 10 пудов муки, двух пудов сахара, четырех выюков саксаула (для приготовления пищи). Значительную часть выкупа составляли различные шелковые и хлопчатобумажные женские и мужские халаты, а чаще две женские рубахи из «яшил кетени» (зеленая шелковая ткань домашнего производства), отрез желтой тафты на два халата, две женские рубахи из «ахал кетени», два халата (шахи дон) из шелковой тафты в полоску, отрез шелковой ткани на два халата (гырмызы дон), бархатный отрез на две женские рубахи (совсаны), отрез желтой полшелковой ткани на женскую рубашу, четыре мужских шелковых халата (гырмызы дон) и четыре хивинских халата. Эти халаты являлись подарками, стоимость их превышала половину всего выкупа. Обычно установление размера калыма проходило в острых спорах. В начале XX в. денежная часть калыма у салыров составляла 500—800 рублей⁷.

После заключения договора происходило обручение юноши и девушки. Затем отец жениха собирал своих родственников, а иногда и сородичей и объявлял им о размере калыма. Если он был зажиточным и мог сам внести калым, то советовался с ними только о назначении дня свадьбы. А если он не был состоятельным, то просил родственников помочь ему. В таких случаях каждый родственник считал своим долгом помочь семье жениха деньгами или скотом. Если семья жениха была не в силах уплатить калыма и родственники отказывали в помощи, то жених нередко соглашался отработать часть выкупа. Поскольку девушка была обручена, она должна была ждать до полной уплаты выкупа, если даже этот процесс длился многие годы. Женихи часто прибегали к умыканию (похищению) невест, и за это их особенно не наказывали. В хищении невесты большую роль играла посредница, которая за определенную плату соглашалась устроить свидание молодым. По договоренности с юношей посредница сообщала девушке: «Гелешигин пылан ере гелджек сен разымы?» (Туда-то придет твой обрученный, согласна ли ты увидеть его?). Если она любила своего обрученного, то с удовольствием соглашалась на свидание. Во время этого свидания юноша говорил девушке о своих затруднениях в уплате калыма и убеждал ее бежать с ним. Если девушка считалась с мнением родителей, дорожила «честью отца», была менее самостоятельной, то советовала ему не торопиться. Во

⁶ По словам информаторов, тогда за один туман можно было купить одного барана.

⁷ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Путевые очерки в трех книгах, кн. 1, Персидская граница. Спб., 1909, стр. 212.

время таких свиданий соблюдалась строгая нравственность. По словам стариков, обычай похищения своей обрученной был распространен у салыров с давних времен и не вызывал особого осуждения, если похищение совершалось между равными по кости, то есть по происхождению.

Интересны в этом отношении следующие сведения, сообщаемые о свадьбе туркмен-салыров в начале XX в. Д. Н. Логофетом: «Если соглашение состоялось, тогда назначается день увоза невесты, причем в этом случае жених является в сопровождении целой толпы родственников. Около кибитки невесты также собираются родные и знакомые. Когда при отъезде все уже сели на коней, жених подхватывает свою невесту и скачет с нею, разыгрывая сцену похищения. Родственники девушки бросаются в погоню, а сопровождающие жениха делают вид, что защищаются. Но обыкновенно в этих случаях скачка волнует молодежь, и из шуточного похищения дело переходит в настоящую свалку, во время которой сплошь и рядом в результате оказывается несколько человек порядочно избитых, а то и изувеченных.

Таким образом зачастую жених, не усакавший своевременно от погони, теряет несколько зубов, выбитых ему во время свалки. При этом попадает и невесте»⁸.

Объяснение автора, что это является «остатком обычая глубокой старины, когда женщины добывались.. путем похищения», не лишено основания⁹.

В отличие от многих туркменских групп у салыров калым до свадьбы уплачивался полностью. Этим, возможно, объясняется отсутствие широко распространенного у других туркмен обычая «гайтарма» — возвращения невесты в отцовский дом по прошествии определенного времени после свадьбы.

После внесения выкупа сторона жениха (по своему усмотрению) назначала день свадьбы, выбрав для этого обязательно «сэхетли гун» (удачливый день). Необходимо было строго соблюдать, чтобы день свадьбы, как и всякого торжественного мероприятия, не совпал с «шеммы» («шенбе») и другими «неудачливыми днями». По поводу этих дней существует такое выражение: «Коюндан кой айырма, мойындан мой» (В эти дни нельзя резать барана и заниматься удалением волос с головы и тела), «Джумада гэчме, шеммиде бичме» — в смысле, если ищешь удачи, не переселяйся или не меняй местожительства в пятницу. Желательно, чтобы в этот вечер все члены семьи были дома и поминали умер-

⁸ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Путевые очерки в трех книгах, кн. 1. Персидская граница. Спб., 1909, стр. 212—213.

⁹ Там же, стр. 212.

ших родственников и близких и не начинали нового дела в субботу.

За два дня до свадьбы оповещали своих односельчан и знакомых из других аулов о дне свадьбы.

К свадьбе тщательно готовились: снаряжали свадебный поезд «гелин алыджи». Он обычно состоял из 11—12 верблюдов. На одном из верблюдов сооружали «геджебе», в котором везли невесту. По форме «геджебе», по словам очевидцев, имитировало салырское жилище (моведекли кепбе) и напоминало юрту. Нижняя часть его состояла из войлока, называемого «йурек», а верхняя куполообразная часть — из плетеного йылгына—гребенщика (tamarix). Снаружи «геджебе» обтягивали белой тканью, на которую были пришиты кусочки материи различных цветов. На макушке его прикрепляли пучок бахромы «пурчуклы хупба». На верблюдах сидели только женщины и девушки. На последних трех верблюдах везли свадебное кушанье—вареное мясо, жареные в масле лепешки и др. Верблюды украшались специальной вышитой тканью (две башлык), на их шеи и колени привязывали колокольчики (джанг), которые звенели при каждом движении. Караван верблюдов сопровождали празднично одетые всадники на разукрашенных конях, на боку у каждого всадника висела сабля в кожаных ножнах (гылыч баг) или просто ножны. Обычай сопровождать свадебный поезд охраной из вооруженных всадников существовал также у марыйских текинцев (кстати, среди них в середине XIX в. жила часть салыров), о чем свидетельствуют следующие записи Гулибефа де Блоквилля: «Мужчины разделяются на две группы, одни идут пешком, сопровождая женщин, другие (вооруженные, как для набега) едут верхом впереди свадебного шествия. Недалеко от палатки невесты они прищипывают и совершают разные другие эволюции»¹⁰. Охрану свадебного поезда вооруженными всадниками в то время легко объяснить, если вспомнить историю Туркмении с середины XIX в. (межплеменные усобицы, разбои и т. д.). Вообще этот обычай очень древний и является отголоском периода родоплеменного строя, когда членов другого рода можно было увести только насильственным путем. Всадники, сопровождавшие невесту, изображали с воинственными выкриками сцену сражения с воображаемыми врагами, стреляя в небо, размахивая саблями. По прибытии глава свадебного поезда обращался к отцу и матери невесты с просьбой отдать им невесту. В это время кто-либо из родственников невесты, чаще всего ее тетя (енге), беря за узду верблюда, на котором

¹⁰ Гулибеф де Блоквилль. 14-месячный плен у туркменцев, «Всемирный путешественник», вып. 31, Спб., 1868, стр. 34.

должны везти невесту, присаживала его. У туркмен-эрсары это делала старшая сестра невесты (эке), за что ей полагался подарок — отрез на халат (дон), затем узду брал дядя по материнской линии (дайы); ему также в подарок полагался шелковый халат (гырмызы дон). Молодые женщины и девушки со стороны жениха направлялись к дому, где была невеста. В это время женщины и девушки, окружавшие невесту, запирали дверь, чтобы не пускать пришедших за невестой. После долгой борьбы последним удавалось открыть дверь дома, но здесь вошедших ожидало новое препятствие: устраивалось состязание между женщинами, охранявшими невесту, и пришедшими за ней. Первая женщина, открывавшая дверь, была главой всей женской толпы, она держала в рукавице муку, которой должна была вымазать лицо невесте. После этого от обеих сторон на середину круга выходило по одной наиболее сильной женщине. Под возгласы окружавших (мужчины наблюдали за состязанием через открытую дверь) они начинали борьбу. Впоследствии в нее вступали все присутствовавшие, и начиналась настоящая свалка. Как правило, женщины—сторонницы жениха — «побеждали». Затем «элти» (жена старшего брата невесты), получив положенный ей подарок (халат)¹¹, сама сажала невесту в «геджебе».

Так называемая в этнографической литературе «шуточная борьба» за невесту бытовала в прошлом почти у всех туркмен: у западных туркмен-иомутов (далаш), у текинцев и др. У туркмен-эрсары невесту «охраняли» ее подруги и сверстницы. Тетка невесты—жена старшего брата (гелин-эке)—делала попытку набросить на невесту халат-накидку (арка буренжик). Для этого она прибегала к разного рода уловкам. Например, говорила девушкам, охранявшим невесту, что в тубетейке невесты она забыла свою иголку. Но такая мало скрытая хитрость тетки быстро угадывалась, и девушки сообща давали ей отпор. В конце-концов ей и ее помощницам удавалось одолеть сопротивление «защитниц» невесты.

У туркмен-салыров, как и у текинцев, во время увоза невесты из аула снова начиналась «борьба». Тут в роли «защитников» невесты выступала мужская часть молодежи, которая сопровождала свадебный поезд, забрасывая его участников камнями, комьями земли и т. д.

По мнению М. О. Косвена, «шуточная борьба» за невесту

¹¹ Слово «халат» у салыров и других туркмен не всегда употреблялось в узком значении «халат», а имело широкий смысл (неденежная часть калыма).

отображает в более упрощенной форме борьбу матриликального брака с патрилокальным¹².

В ожидании свадебного поезда невеста сидела в отдельно отведенной ей комнате, в свадебном наряде, в халате-накидке на голове (девушки-салырки раньше с 15 лет носили поверх тюбетейки накидку)¹³. В этой же комнате мать невесты вручала матери жениха приданое своей дочери, которое состояло из «букча» (матерчатая сумка в виде конверта), где хранились комплекты одежды, постельные принадлежности (ерган, корпече), два чувала (ковровые мешки для хранения одежды), четыре торбы (небольшие ковровые сумки), кумган для омовения и некоторые другие вещи, составлявшие обязательную часть приданого невесты. Перед свадьбой невесте делали подарки её родственники. Эти подарки входили также в приданое невесты. Родственники приглашали ее к себе в дом и дарили кто что мог — посуду, платки и другие вещи. Во время этих посещений ее сопровождала старшая или же близкая родственница. Подаренные вещи, которые чаще всего предназначались для хозяйства, она должна была взять в дом жениха. По словам стариков, выдавать замуж девушку без хорошего приданого считалось позором и бросало тень на всех ее родственников. Поэтому если родители невесты были несостоятельными, то описанный выше обычай приобретал особое значение.

Сторонники жениха осыпали невесту сладостями, мелкими монетами, раздавали окружающим ее «пишме» (ромбовидные кусочки теста), изжаренные в масле. Обычно случалось так, что один из всадников выхватывал «самач» (кожаный мешок) со сладостями и ускакивал от остальных. За ним пускались в погоню, и тот, у которого конь сильнее и скачет быстрее, перехватив «самач», отрывался от остальных и первым доставлял его в дом жениха и за это получал в награду барана (байрак). Часть всадников сопровождала свадебный поезд.

Всадники от дома жениха до дома невесты и обратно всю дорогу пели веселые песни под аккомпанемент «туйдука» (вид флейты).

По прибытии свадебного поезда в ауле жениха начиналось торжество. Родители и родственники невесты, сопровождавшие свадебный поезд, в тот же день возвращались обратно. Всадники, вернувшиеся из «гелин алыджи», требовали от от-

ца жениха козленка (овлак) для игры «овлак чапды», которая была широко распространена почти у всех народов Средней Азии, воспитывала силу, выносливость, ловкость и т. д. Без нее не проходило ни одно важное событие в жизни салыров¹⁴.

Устраивалось также состязание по национальной борьбе «гореш». Участники борьбы по родовому признаку делились на группы. Победивший получал приз в виде барана или другого ценного подарка. К вечеру гости собирались слушать бахши (певца).

В каждом салырском ауле был свой любимый бахши, исполнявший песни обычно под аккомпанемент двухструнного «дутара».

Всякий, кто встречал геджебе около дома жениха и брался за узду верблюда, на котором сидела невеста, имел право на награду. В таком случае, одаривая его, говорили: «Получайте вашу награду, ступайте, не задерживайте нас». У туркмен-эрсары свадебный поезд могли задерживать лишь в черте аула невесты, и это считалось «согап» (богоугодным делом). Обычно два человека становились по обе стороны дороги, преграждая путь лентой или кушаком, лишь после того как получали от тетки невесты награду (обычно в виде платка), уступали дорогу.

Невеста должна была переступить порог дома жениха с правой ноги. Здесь её опять осыпали сладостями и монетами.

Два дальних родственника жениха охраняли вход в дом и давали разрешение ввести в него невесту лишь после того, как получали положенную им награду (гапалым). «Нежелание» пускать невесту в дом жениха встречалось также в свадебных обрядах туркмен-текинцев. Этот обычай, по-видимому, следует рассматривать как отголосок переходного периода от матриликального поселения к патрилокальному.

В тот же вечер совершали брачный обряд. По прибытии свадебного поезда в дом жениха невесту помещали в отдельную комнату, где ее окружали девушки и молодые женщины; жених находился в другой комнате в окружении своих друзей. Согласно обычаю, мулла, находившийся в этом же доме в отдельной комнате, выбирал двух стариков (пияда казы), которые должны были стать посредниками между ним и молодоженами. Сначала мулла отправлял пияда казы к невесте, чтобы получить её согласие на брак. Оба старика, придя к ней, спрашивали: «Согласна ты на брак с таким-то? Если согласна, то каким людям поручаешь свое представительство?». На это она, по совету девушек, окружавших ее,

¹² М. О. Косвен. Очерки первобытной культуры. М., 1953.

¹³ Одежда девушек была такой же, как и у женщин, за исключением головного убора.

¹⁴ Игра «овлак чапды» будет предметом специальной статьи.

называла имена двух стариков (если невеста односельчанка жениха, то не было необходимости подсказывать ей). Она свое согласие на брак и имена стариков, которые должны были засвидетельствовать (гувелик) брак, должна была произнести очень ясно и громко, чтобы ее хорошо слышали пияда казы. Затем они возвращались к мулле и сообщали ему о решении невесты. После этого мulla посылал их к жениху с таким же поручением. Жених также называл своих стариков, которые должны были присутствовать и засвидетельствовать брак. Названные невестой и женихом старики сидели по обеим сторонам от мulla. З окружении толпы мulla приступал к бракосочетанию. После чтения соответствующей молитвы произносил:

Гувэмиз, гувэмиз, как гувэлигин берирмиз,
Не эзвэрай эзяка, пылан байың гызы ве пылан байың
оглы гувэлигини пыланылара бердилер.
Мы свидетельствуем, свидетельствуем, свидетельствуем
волю всевышнего,
Дочка такого-то и сын такого-то
Избрали свидетелями таких-то людей.

После этого мulla обращался к доверенным невесты с вопросом, дают ли они согласие на ее брак с таким-то, повторив это три раза. С таким же вопросом он обращался к доверенным жениха. Получив удовлетворительный ответ, мulla обращался к народу со словами, трижды повторяя их: «Халайыклар шуларың диен задына гувэ болдыныз?» (Люди, вы свидетельствуете ли то, о чем они говорили?). Затем мulla читал молитву и благословлял молодых. Во время бракосочетания женщины ходили вокруг юрты и делали режущие движения ножницами. После совершения бракосочетания перед мullой ставили миску со сладкой водой, на дне которой лежали два крана (монеты), предназначенные для свидетелей «гувэ». Отпив несколько глотков, мulla передавал её всем присутствующим. Это делалось для того, чтобы жизнь молодоженов была такой же сладкой, как эта вода¹⁵.

Затем жених со своими друзьями отправлялся в дом, где находилась невеста, и выгоняли оттуда девушек и женщин, окружавших ее, кроме «енге» — родственницы жениха. В доме оставались невеста, жених и енге, любопытные заглядывали в открытую дверь. Енге должна была познакомиться молодоженов, соединив их руки. При этом она произносила общепринятые стихи, в которых желала им жить в достатке, быть верными друг другу и т. д. После этого енге уходила, оставив их вдвоем, но дверь продолжала оставать-

¹⁵ Угощение сладкой водой существовало у западных номутов, текинцев, эрсары и других туркменских групп.

ся открытой, и друзья жениха наблюдали, как он заставлял невесту снимать с него сапоги, развязывать пояс и совершать ряд других унижающих невесту обрядов. Будущий муж давал понять молодой жене, что и в дальнейшем она должна исполнять все его прихоти.

Затем они оставались вдвоем, а у дома дежурил один из родственников жениха, следивший за тем, чтобы никто не заглядывал к молодоженам и не подслушивал их.

Кроме того, тут же ожидали двое его друзей, чтобы удостовериться в невинности невесты. В невинности невесты должны были удостовериться все близкие родственники жениха.

На третий день после свадьбы происходил обряд смены девичьего наряда на женский, называвшийся у салыров «тайха алмак». Меняли главным образом головной убор — тюбетейку на конусообразный женский головной убор (топы) с желтым шелковым платком (сары йупек дастар). Взрослые девушки, окружавшие невесту, вступали в шуточную борьбу с женщинами, пытавшимися сменить головной убор. В конце концов девушки оказывались побежденными, и женщинам удавалось в третий раз по счету «отвоевать» невесту. Тюбетейку невесты, богато украшенную серебряными монетами и позолоченными украшениями, обычно дарили племяннице («балдыз» — дочке брата жениха). В течение шести месяцев «гелин» жила в отгороженной части дома. К ней имели доступ только женщины. Три-четыре месяца муж и жена жили в доме одни. Если семья испытывала недостаток в жилище, то молодожены дальше продолжали жить в отгороженной части дома родителей жениха. Все родственники жениха по очереди приглашали невесту на так называемый обед. Ее сопровождала свекровь. Во время таких визитов невесте делали разные подарки, она знакомилась с родней жениха. Если кто-нибудь из родственников не приглашал ее, то впоследствии она не могла посещать этот дом.

Обычай так называемого «избегания» у туркмен-салыров был менее популярным, чем у их соседей-текинцев. В конце первой недели после свадьбы свекровь сама просила невесту не избегать ее и не закрывать лица¹⁶. Зато она долго закрывалась от свекра (нередко до 10 лет), до появления нескольких детей. Обычай избегания также распространялся на мужа. Он до определенного времени старался не показываться родителям и родственникам жены. После шести ме-

¹⁶ Кстати, у салыров, в отличие от других туркмен, не бытовал «яшмак», то есть обычай закрывать нижнюю часть лица краем платка. Существовало покрывало, закрывавшее все лицо.

сяцев супружеской жизни родители жены приглашали его на обед и дарили ему шелковый халат (гырмызы дон). Зять делал вид, что не принимает подарка и уходил, не взяв его. Тогда подарок доставляли ему на дом. За подарок он должен был после обеда положить на скатерть определенную сумму денег. Это посещение означало, что муж больше не должен избегать родственников жены. Через 12 месяцев и 20 дней дом мужа посещала енге—родственница жены, и только после этого приходила мать жены. Таким образом устанавливалась постоянная связь между домом жениха и невесты.

Таково краткое описание свадебных обрядов туркмен-салыров конца XIX и начала XX в., в которых сохранялось много пережитков прошлого.

Обычай сговора (гелешдирме) у салыров находит аналогии почти у всех туркмен. Несмотря на то, что сговор чаще всего заключался между родственниками, уплата положенного калыма была обязательна.

Нередко были случаи, когда родители невесты расторгали сговор с несостоятельными родителями жениха, несмотря на то, что такое обстоятельство рассматривалось обществом как нарушение адата. Наши информаторы объясняли живучесть сговора между родственниками тем, что члены семьи, связанные родственными узами, бывают больше привязаны друг к другу, и приводили примеры, как женщина из чужого рода становилась виновницей разногласий между сыном и родителями, то есть распада большой семьи.

Согласно полевым этнографическим материалам, в XIX в. у салыров существовал незначительный выкуп; семье невесты платили незначительную сумму за «материнское молоко» («суйт хаки»). Аналогичный обычай «платы за молоко»—вознаграждение, положенное матери невесты за воспитание дочери, — существовал у персов¹⁷. Как известно, обычай выкупа за невесту своими корнями уходит в эпоху родового строя, когда потеря рабочей силы болезненно сказывалась на благосостоянии всего рода. В этих условиях и возникает выкуп как компенсация за потерянную рабочую силу. Выкуп у туркмен в течение ряда столетий претерпевал значительные изменения, приобретая различные формы, в зависимости от социально-экономических условий общества. Так, например, в период преобладания натурального хозяйства выкуп уплачивался в виде скота, пшеницы и т. п., а с развитием товарного хозяйства он стал уплачиваться деньгами (иранскими, афганскими и русскими).

¹⁷ Народы Передней Азии. 1957, стр. 202.

С конца XIX в. начали злоупотреблять «платой за молоко», и в предреволюционные годы выкуп за невесту у салыров, как и у большинства туркменских племен, достиг баснословных размеров. Этому, по-видимому, в значительной мере способствовал, во-первых, обычай наделять жениха паем «су» из так называемых «общинных угодий», который строго соблюдался особенно после присоединения Мургабского оазиса к России, и, во-вторых, рост товарно-денежных отношений. Даже в наши дни кое-где проявляются пережитки этого позорного явления, когда выкуп выражается в форме «подарков» родителям невесты.

Очень интересно то, что приданое у салыров называется «докуз» (девять). Приданое невесты независимо от числа входящих в него частей одежды (штаны, рубахи и др.) у многих туркменских групп носит название «докуз». У прибрежных туркмен, например, в приданое входило восемь платьев, восемь штанов и др., и тем не менее оно называлось «докуз». У туркмен-эрсары левобережья Аму-Дарьи за девять дней до свадьбы укомплектовывали приданое (докуз) невесты. Этот термин неизвестен текинцам, сарыкам и некоторым другим племенам. Интересно также, что часть приданого у таджиков также называлась «тукуз»¹⁸.

В свадебном обряде туркмен-салыров сохранялся пережиток так называемой «родовой взаимопомощи», который выражался в том, что сородичи оказывали коллективную помощь при уплате выкупа несостоятельному жениху. Но в период развитого классового расслоения очень часто нарушалась «родовая солидарность», и бедный жених вынужден был отрабатывать стоимость выкупа в течение ряда лет в хозяйстве родителей невесты. Такая отработка за невесту была в прошлом широко распространена у большинства народов Средней Азии.

Выкуп у туркмен-салыров должен был выплачиваться до свадьбы полностью. У них не бытовал распространенный, как у других туркмен, в прошлом обычай «гайтарма».

Одним из древних пережитков брачного института прошлого является похищение невесты, которое было особенно распространено у туркмен-салыров и, как было сказано, не вызывало почти никакого осуждения. Относительная свобода девушек позволяла им в значительной мере влиять на свою судьбу и в случае каких-нибудь обстоятельств, препятствующих свадьбе, бежать с любимым человеком. Если юноша, похитивший невесту, по происхождению принадлежал

¹⁸ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 94. Вопрос о «докузе» требует дальнейшего исследования, по-видимому, этот термин является отголоском далекой старины огузского периода.

к тому же сословию, что и невеста, но не был состоятельным женихом, то его поступок встречал даже одобрение. Если же он принадлежал к категории «гул» и похитил девушку из семьи «туйс», то его могли подвергнуть гонениям.

В прошлом в брачном обряде туркмен-салыров существовал своеобразный и интересный обычай, аналогию которому мы не находим у других туркменских групп. Дело в том, что три родственные семьи связывались брачными узами, для этого нужно было, чтобы в этих трех семьях были юноши и девушки подходящего возраста. Семья «А» выдает свою дочку замуж в семью «Б», а семья «Б» — в семью «В». Таким образом, все три семьи женили своих сыновей, выдавали замуж своих дочерей и избавлялись от обязательства платить калым. Этот обычай, вероятно, находит аналогию в обычае «гарша» у текинцев, согласно которому две семьи одновременно связывались брачными узами, то есть обменивались невестами. Пока можно лишь предположить, что данный обычай своим происхождением обязан родо-племенному строю, когда потеря рабочей силы сказывалась на благополучии всех членов рода. В этих условиях и появляется обычай, согласно которому ушедшего из рода должен был заменить другой.

В свадебных обрядах туркмен-салыров много и других старинных явлений, требующих научного анализа. Многие из них в условиях господства феодальной верхушки и мусульманского духовенства были умышленно законсервированы и превратились в орудие эксплуатации трудящегося населения.

Современная свадьба туркмен Серахского района коренным образом отличается от свадеб в прошлом. В районе все чаще устраиваются комсомольские свадьбы, организаторами которых является молодежь.

Ш. АННАКЛЫЧЕВ

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ ТУРКМЕН ЧЕЛЕКЕНА

Основное население Челекена состоит из туркмен, в прошлом причислявших себя к иомутам. Обычно у челекенских туркмен к умирающему человеку приглашали муллу, который садился около него и несколько раз подряд читал тихим, ровным голосом, немного нараспев молитву из корана, называемую «иман». Неподалеку от умирающего располагались его близкие родственники.

По повериям туркмен-иомутов, если мулла успевал прочесть «иман» до наступления смерти, то умирающий якобы быстро очищался от грехов и умирал без мучений. После прочтения молитвы мулла говорил тихо умирающему: «Разы бол (Будь доволен, прости)». С такой же просьбой обращались к нему и все присутствующие. Если умирающий мог разговаривать, он отвечал: «Разыдырын», — а если же не мог, то кивком головы или каким-нибудь жестом «прощал» своих родственников и знакомых. После этого, обращаясь к каждому из присутствующих и в первую очередь к своим близким, он делал свое предсмертное завещание. Обычно он завещал, чтобы его сыновья, дочери, жена или родственники уплатили его долги, затем наказывал не обижать друг друга, слушать старших и т. д. Считалось, что если не выполнить завещание умершего, то он «будет себя плохо чувствовать на том свете». Когда наступала смерть, люди, окружавшие покойника, начинали громко плакать, особенно громко и долго рыдали женщины — родственницы умершего, обычно вспоминая только лучшие качества умершего. Они оплакивали разрушенное счастье семьи и т. д. Громче

А. ДЖИКИЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ МАНГЫШЛАКСКИХ ТУРКМЕН

Поездка, организованная в сентябре 1959 г. сектором этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук ТССР¹, была предпринята с целью изучить историю, хозяйство, материальную и духовную культуру туркмен Северного Прикаспия в прошлом.

Как известно, история ряда туркменских племен связана с территорией полуострова Мангышлак, о чем свидетельствуют, помимо письменных источников, многочисленные народные предания, а также надгробные камни, памятники материальной культуры.

Более 50 лет назад немецкий этнограф Рихард Карутц в результате двухкратного посещения п-ова Мангышлак издал книгу², в которой содержатся легенды, описание обычаев и обрядов мангышлакского населения. Хотя при посещении Рихарда Карутца на Мангышлаке жило уже лишь незначительное число туркмен (главным образом на побережье), все же он сумел собрать богатый этнографический материал. Говорить о современном туркменском населении Мангышлака почти не приходится, так как здесь сохранилось лишь незначительное число туркмен. Работа нашего отряда заключалась поэтому главным образом в сборе историко-этно-

¹ Отряд в составе А. Оразова, С. М. Демидова, К. Ниязклычева и автора вел работу в Шевченковском районе, поселках Форт-Шевченко и Баутино Гурьевской области Казахской ССР.

² Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.

графических материалов о прежнем туркменском населении полуострова.

Изучение памятников материальной культуры Мангышлака в сочетании с устными преданиями может помочь историкам и этнографам выяснить проблемы этногенеза туркменских племен в позднесредневековый период (XVI—XVIII вв.). На обширной территории вдоль побережья — от п-ова Бузачи на севере до Кара-Богаз-Гола на юге — в районе колодцев и населенных пунктов Голтук, Ак-Чукур, Сыгинды, Гыйджак, Совра, Сака-гуйы, Гызыл Озень, Аральды в этот период жили туркмены-абдалы; у колодцев Мулк, Суйджи-гуйы, Гурлевик, Орлек жили туркмены-ходжа, в местностях Ишан-дубек, Гызыл-гум, Сарджа, Гуррук, Эралы, Гызык, Токмак, Кендырли—туркмены-игдыры. Общее число их на побережье в начале XX в. не превышало тысячи хозяйств. Однако, согласно преданиям, бытующим среди туркменского населения Мангышлака, лет 300—400 назад там жило множество туркменских племен, главными из которых были салыр, сарык, баят, сусак, эрек, кай, эрсары. Об этом же говорят надгробные камни с тамгами перечисленных племен (рис. 1). Множество туркменских кладбищ и остатки поселений разбросаны вдоль северо-восточного побережья Каспия. В местности Гара-Говак, которая находится в 4 км от поселка Гызыл Озень (в 35 км к югу от города Форт-Шевченко), во время поездки мы осмотрели каменные надгробия туркмен-салыров, эрсары, кай, эрек, и сусак³. Поблизости от этого кладбища мы обнаружили остатки поселения туркмен. По словам старожилов, в то время туркмены жили главным образом в юртах, поставленных на каменные помостки. В центре селения сохранилась груда камней, представляющая собою развалины мечети; размер ее невелик, приблизительно 5—6 квадратных метров. По рассказам, в ней молились в зимнее время. В летнее время общественные моления совершались на открытом воздухе—на площадке, расположенной напротив мечети (рис. 2). Молитвенное место «намаз джай» имеет форму полуовала, вытянутого с северо-востока на юго-запад, размером 5,2 м в ширину, 6,5 м в длину и огорожено каменной оградой. На середине юго-западного конца этой ограды находится небольшое каменное кресло. Рядом с мечетью лежит огромный каменный светильник высотой до 1 м и диаметром около 0,5 м. Он имеет форму цилиндра, стоящего на большом широком кольцевидном основании. На верху его имеется углубление, куда наливали животный жир.

³ В опознании и уточнении принадлежности памятников большую помощь нам оказал житель пос. Гызыл Озень Сарсан Нурходжаев, один из немногих туркмен-абдалов, оставшихся на Мангышлаке.

По словам нашего информатора Сарсан-ага, такие светильники здесь имелись раньше в каждом селении. Их зажигали во время молитв и общественных сходов. В юртах для освещения использовались каменные светильники той же формы

Рис. 1. Надгробные камни на туркменском кладбище XVIII в. (полуостров Мангышлак).

мы, но меньшего размера. Места для светильников имеются также на передней части каменных надгробий, на кладбище в Гара-Говак, в виде небольших углублений. Светильники на надгробиях зажигали каждую пятницу (джума), когда устраивались поминки в честь умерших родственников (рис. 3).

Кладбища были общими для салыров, каи, эрек и сусак, а эрсары имели отдельное кладбище. Такой характер старых кладбищ дает нам основание предполагать, что некоторые туркменские селения на Мангышлаке в позднем средневековье состояли из представителей разных племен, другие же были членами одного племени; возможно, что более многочисленные сильные племена, способные самостоятельно защищать себя от нападений, жили особняком и имели свои отдельные кладбища. Таким, очевидно, было племя эрсары.

Однако расстояние между упомянутыми выше двумя кладбищами очень незначительно, что, по-видимому, обусловлено двумя причинами: во-первых, стремлением сохранить и поддерживать родо-племенную традицию — держаться обособлен-

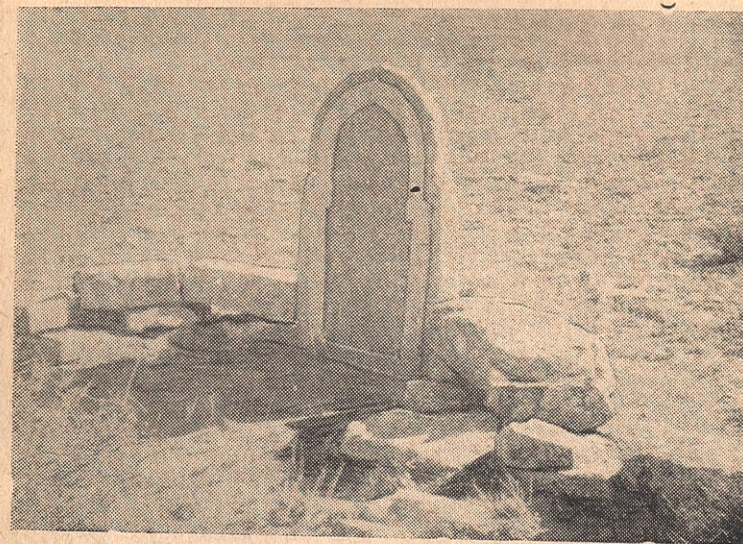

Рис. 2. Молитвенное место „намаз джй“ на открытом воздухе с каменным михрабом.

но; а во-вторых, стремлением селиться по соседству. Последнее отчасти объясняется тем, что в позднем средневековье на туркмен Мангышлака с севера усилились набеги калмыков. На Мангышлаке племя эрсары, по данным полевых этнографических материалов, занималось скотоводством и отчасти рыболовством. Основываясь на рассказах населения, Д. Ливкин в начале XX в. писал: «Начало рыболовства у туркмен точно неизвестно. По преданию, первыми рыболовами были проживающие на побережье около двухсот лет назад эрсаринцы. Орудиями лова служили тогда деревянные крючки, а паруса на лодках делались из войлока»⁴. О жизни эрсары на полуострове среди туркмен-абдалов, игдир и ходжа сохранилось множество преданий. Приведем одно из них, записанное со слов выходца из Мангышлака, ныне жителя Красноводска Ходжабая Халлыбаева. В северной части Мангышлака имеется местность, носящая название «Терсяк». Она

⁴ Д. Ливкин. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. СПб., 1902, стр. 77.

находится в горах Дагаджик. Здесь в старые времена жил аждарха (дракон). Неподалеку от этой местности, в ущелье Ийир вокруг колодца Долинафа, жило племя эрсары. Воды в колодце было много. Однажды в колодце в течение трех

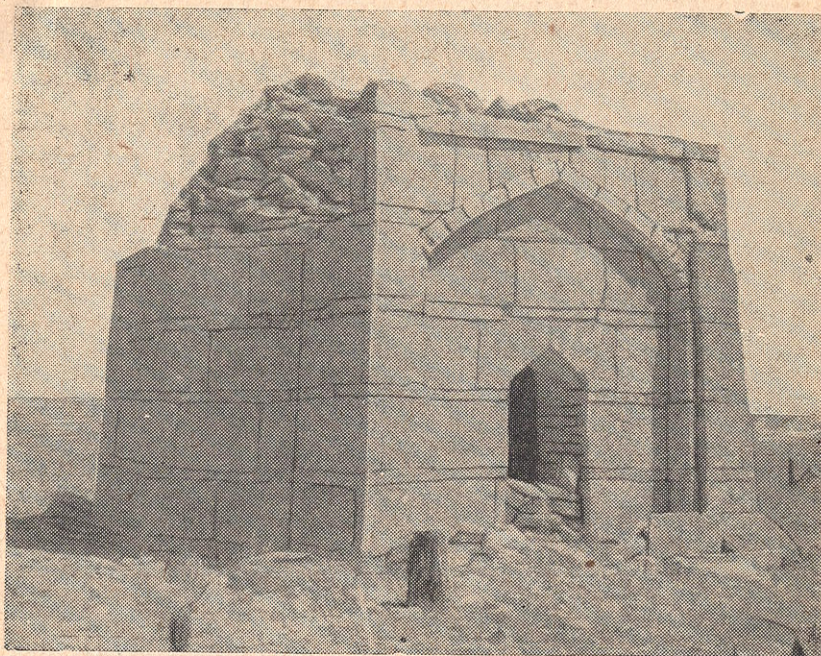

Рис. 3. Мечеть, сохранившаяся на туркменском кладбище (полуостров Мангышлак).

дней не было ни капли воды. Люди недоумевали: до сих пор не бывало ничего подобного. Тогда один старик посоветовал им обследовать горы и искать следы чудовища (аждарха), которое, по его предположению, и выпило всю воду из колодца. После того как следы змеи были действительно обнаружены, эрсары (на Мангышлаке тогда, кроме них, никто из туркмен не жил), разбежались в разные стороны. В это время среди эрсары объявился один смельчак, который решил спасти свой народ. Он подкараулил дракона и, когда тот погрузился в сон, разрубил его мечом на куски. На тело смельчака попала отравленная ядом кровь змеи. Однако он смыл яд с помощью молока, заранее приготовленного в семи котлах. Через год богатырь вернулся к своему народу. Его встретили с боль-

шим почетом. Но народ эрсары не стал жить на этом месте и ушел на новые места⁵.

Главной причиной ухода крупных туркменских племен с Мангышлака лет 300 назад было, по рассказам старожил, то, что там подряд три-четыре года была засуха и не было корма для скота. В результате наступил голод, и они вынуждены были искать новые места для поселения. Продвижение эрсары из Мангышлака, вероятно, шло в юго-восточном направлении, где они столкнулись с туркменами, жившими в районе Северных Балхан. Здесь и находится могила легендарного предводителя этого племени — Эрсары-баба, погибшего, согласно преданиям, от руки калмыков. Однако, по Абульгази, Эрсары-баба был убит во время похода на Балханы хорасанского наместника Кома-Бека.

Ныне основная масса эрсары проживает на левобережье среднего течения Аму-Дарьи. Однако отдельные представители эрсары сохранились до сих пор среди западных иомутов (они ничем не отличаются от последних, но помнят о своем происхождении). О жизни туркмен-эрсары на Мангышлаке в соседстве с салырами и об их близких отношениях сохранилось множество легенд среди туркмен-салыров Серахса.

Вероятно, сравнительно более поздними насельниками Мангышлака были туркмены човдорского объединения — човдоры, абдалы, игдыры, бозоджи, бурунджик и ходжа. К концу XIX в. из их числа на побережье полуострова жили човдоры, абдалы, игдыры и ходжа. По преданиям, у Эсена, или Хесена (Хесен и Союн, или Сейил — легендарные предки туркмен), было пять сыновей: Чеудор, Игдыр, Бозоджи, Бурунджик и Абдал.

Племя абдал в конце XIX в. делилось на пять родов: огры, менгли-ходжа, дели, гурбан и овшак. Оно имело свою тамгу «ярым-ай» (полумесяц). По данным Махмуда Кашгарского (XI в.), у племени джувалдар (човдор) тамга изображала полумесяц концами вниз⁶. Согласно же Абульгази, они имели тамгу в виде месяца концами вверх⁷. Небольсин в середине XIX в. писал, что абдалы имеют тамгу с изображением полумесяца⁸. По материалам середины XIX в., абдалы состояли из 1605 душ обоего пола, 574 мужчин и 491 женщины⁹. Интересно, что абдалы, входя в состав човдорского объединения, занимали в нем обособленное положение.

⁵ Легенда записана от Нурберды-муллы из пос. Баутино.

⁶ Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-турк. МИИТ, т. 1, М.-Л., 1939, стр. 309.

⁷ Абульгази. Указ. работа, стр. 53.

⁸ Небольсин. Туркмены. «Журнал мин. внутр. дел», Спб., 1852, июль, стр. 53.

⁹ Небольсин. Указ. работа, стр. 33.

ние. В отличие от других човдорских подразделений у абдалов на Мангышлаке не было своих колодцев и угодий, принадлежавших им издавна. Абдалы не связывают себя с другими подразделениями човдоров, ограничиваясь тем, что «вообще» причисляются к човдорам. Они входили в човдорское объединение племен на правах «младшего брата».

По рассказам Нурберды-муллы (пос. Баутино), раньше игдиры не выдавали замуж за абдалов своих дочерей и абдалы в свою очередь также старались сохранять «чистоту крови» своего племени и не смешивались ни с окружающими их туркменами, ни с казахами.

Однако уже в первой четверти XX в. оставшаяся на Мангышлаке незначительная часть абдалов (около 20 хозяйств) ассимилировалась с казахами и к настоящему времени почти полностью растворилась среди них¹⁰. Судя по преданиям, часть абдалов вошла в состав хесеновских туркмен позднее в качестве самостоятельного племени. По нашим полевым записям (информация Х. Ходжабаева), во времена правления калмыцкого хана Аюки (первая половина XVIII в.) мангышлакские туркмены-абдалы жили в районе Гара-Дага, вокруг двух водных источников Агачлы и Онду. Приведем некоторые данные о происхождении этого туркменского племени. В поселке Гызыл-озень от Сарсан Нурходжаева мы записали следующую легенду: «По словам моего отца, в Туркестане, в местности Ходжа Ахмед, когда-то жило 70—100 хозяйств (кибиток) абдал. Там жил также «святой» человек по имени Ходжа Ахмед Ясави. Он собирал дань с абдалов. Среди абдалов в то время жили два брата — Акман и Гараман¹¹, которые решили спасти свое племя от непосильного налога. Для этого они надумали зарезать одну корову и бросить ее в дом Ходжи Ахмеда с целью обвинения его в краже. На следующий день на рассвете оба брата якобы по следу пропавшей коровы пришли к Ходже и сказали ему о своих подозрениях. Ходжа Ахмед, не подозревавший о замыслах братьев, разрешил им осмотреть свой дом и убедиться в его честности. Братья, обнаружив корову у не-

¹⁰ Р. Карутц Указ. работа, стр. 18. Казашки, вышедшие замуж за туркмен, назывались «гырнак» (рабыня, наложница). Туркмены на них смотрели свысока, так же как, например, южные туркмены на своих жен из персиянок, курдов и т. п., а иногда и туркменок из другого племени.

¹¹ Акман и гарман, по словам информаторов, являлись подразделениями абдалов. Предания об Акмане и Гарамане бытуют среди туркмен, живущих в Нур-Атинском районе, Самаркандской области, Узбекской ССР и на Сыр-Дарье, в Шаш-Тобе, жителями которого являются туркмены, носящее название «акман». (Сообщение А. А. Марушенко и С. Г. Агаджанова). У туркмен-салыров одно из трех крупных подразделений носит название «гараман».

го, обвинили его в краже. Тогда Ходжа Ахмед, разгневавшись, проклял братьев, говоря: «Акмынын ак көпек бол, Гарамынын, гара көпек болуп, бири бирин этини ий. (Пусть Акман превратится в белого пса, а Гараман — в черного и подерутся между собой)». Это проклятие «святого» сбылось. Они превратились в собак и, вернувшись к народу своему, стали убивать и поедать своих сородичей. Абдалы вынуждены были бежать, каждый день оставляя преследовавшим их собакам одну связанную девушку. Когда очередь дошла до девушки по имени Донгаджа, то ее брат, не желая мириться с тем, чтобы его сестру съели псы, решил убить их. Для этого он прибежал к хитрости: связав сестру, оставил ее на дороге, а сам устроил засаду. Едва псы приблизились к девушке, он убил их. И ныне на пути в Хиву имеются местности, носящие название Донгаджа и Гапаклы в честь этих событий».

Другая легенда, аналогичная этой, была записана нами у човдоров в 1955 г. во время работы в составе туркменского отряда Хорезмской экспедиции АН СССР¹². Согласно этой легенде, в старые времена все туркмены жили в местности Нур-гара-байыр. Духовным руководителем их был Ходжа Ахмед Ясави, который пользовался большим почетом у правителя этих мест. Другие священники завидовали ему и решили избавиться от него. Для этого они втайне от него подложили тушу коровы к нему в мечеть. На следующий день заговорщики пришли к правителю, заявили о пропаже и о своих подозрениях, что кражу совершил Ходжа Ахмед Ясави, и просили его согласия проверить это. Но вскоре произошло чудо: заговорщики превратились в собак и начали есть убитую ими корову. Затем собаки напали на човдоров и стали их истреблять. Човдоры, спасаясь от них, разбежались в разные стороны: в Гумбачек, Бозоджи, Дуйбеги, Мангышлак и другие места. Согласно другой легенде, тот же «святой» Ходжа Ахмед проклял племя абдал словами: «Пусть ваше племя никогда не превысит 100 кибиток, а если это случится, то пусть между вами не будет согласия»¹³.

Эта легенда (варианты ее также известны некоторым другим туркменским племенам), наряду с вымыслом, содержит немало исторической истины. Она отражает период пребывания огузских племен в низовьях Сыр-Дарьи (напом-

¹² Легенда записана в 1955 г. от Язмет Гельды (78 лет) в колхозе «Коммунизм», Калининского района, Ташаузской области.

¹³ У туркмен-салыров существовало аналогичное поверье, согласно которому их в древности проклял какой-то «святой» словами: «Пусть ваш народ будет скитаться и жить разрозненно, а если и будете жить вместе, то пусть между вами не будет согласия и мира».

ним, что на Сыр-Дарье на территории Казахской ССР, в г. Туркестане, находится мавзолей упомянутого в легенде Ходжа Ахмеда Ясави, издавна почитавшегося местным населением) и внутриплеменную борьбу, в результате которой часть абдалов ушла на запад¹⁴. В легендах соседних с туркменами народов мы сталкиваемся с аналогичным рассказом о туркменах. Такие легенды записаны этнографами в Каракалпакии¹⁵. Об этом же говорит легенда, записанная нами у западных иомутов, согласно которой родоначальник племени иомутов в младенчестве был вскормлен собакой, и само слово «иомут» происходит от «иовм ит» (вскормленный собакой). Все эти данные наталкивают нас на мысль, что часть огузов, ушедшая на запад, имела своим тотемом собаку, которую они почитали и которой поклонялись до принятия ислама. У орхонских тюрков, как об этом свидетельствуют археологические данные и рунические надписи, тотемами были волк, собака и лошадь¹⁶. При передвижении тюрков из Центральной Азии и Семиречья на запад, по историческим преданиям, спутником их была собака, которая вела на новые земли и всячески покровительствовала им.

«Сообщают о них (тюрках), — пишет автор XII в. Михаил Сириец, — что когда они двигались с востока на запад, то они увидели род зверя, наподобие собаки. Он шел впереди них, и они не знали, кто это и откуда он происходит. Они не могли приблизиться к нему.

Когда наступало время итти, он звал их на (их) языке, говоря «вставайте». Они поднимались и шли за ним туда, куда он шел. Куда он двигался, и они следовали за ним. Когда он останавливался, то и они останавливались, пока не достигли областей, в которых воцарились. Так как этот проводник не показывался им больше, они остались жить в этой стране»¹⁷. Этот факт свидетельствует о древности преданий, сохранившихся до наших дней среди туркмен и других народов Средней Азии, в которых отразились передвижения средневековых тюркоязычных племен, в том числе предков туркмен.

По мнению ряда историков, абдалы являются потомками эфталитов, обитавших в Средней Азии в V в. н. э. Власть эфталитов в степях Средней Азии сменилась господством

тюрков, которые появляются здесь в VI в. н. э. Средневековые источники сообщают, что эфталиты «пользуются у своих завоевателей (тюрков) каким-то особенным, исключительным положением, что не дозволяется другим властям, владетелям, эфталитскому дозволяется»¹⁸. Это дает возможность судить о связях эфталитов с тюрками.

Вопрос о происхождении абдалов, однако, пока еще полностью не решен.

В настоящее время потомки абдалов¹⁹ на территории Туркменской ССР сохранились в очень незначительном числе и проживают главным образом в Красноводске, а также в Астраханской области РСФСР²⁰. Из других упомянутых мангышлакских туркмен на территории республики на Аму-Дарье проживают потомки эрсары, баятов, эски, салыров. Последние более компактно живут в Серахсе. Потомки каи живут в Чандырской долине.

Вопросы этногенеза мангышлакских туркмен позднего периода должны быть объектом специального исследования, а данная статья является лишь попыткой систематизировать некоторые историко-этнографические материалы.

Туркменское население Северного Прикаспия в XIX—начале XX в. в основном занималось рыболовством и тюленьим промыслом. В прошлом у прибрежных туркмен имелось множество поверий, связанных с их хозяйственным занятием и бытом. Среди рыбаков бытовало поверие, что первый улов в сезоне должен быть роздан соседям в качестве «садака» (богоугодного жертвоприношения). Рыбак от первого улова ничего не должен был оставлять себе, иначе, по поверьям, он будет терпеть неудачу в рыбной ловле. По этому поводу существовало выражение: «Садаканы сагда бер, бир гышарса дузелмез (Садака раздавай вовремя, если опоздаешь — не поправишь), то есть не жалей средств для богоугодных дел, соблюдай их безупречно, иначе после расквешься. В случае неудачного улова рыбак старался «навредить» человеку, который якобы был виновен в этой неудаче. Иногда в таких случаях рыбак прибегал к помощи муллы, чтобы узнать причину неудачи.

По поверью, рыбак не должен продавать или давать рыбу в дом, где имеется новорожденный, находящийся в периоде

¹⁸ Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве от древнейших времен до наших дней. СПб., 1877, стр. 19.

¹⁹ Одно из племен афганцев носит также название «абдал».

²⁰ Селение абдалов имеется и в современной провинции Синцзян (КНР). (Путешествия Н. М. Пржевальского. СПб., 1900, стр. 241). Небольшая группа туркмен-абдалов проживает в Керкинской группе районов Туркменской ССР.

¹⁴ В «Родословной туркмен» Абульгази говорится, что часть салыров и других огузских племен во главе с Караман-беком ушла на запад. (Указ. работа, стр. 68).

¹⁵ См. статью Т. А. Жданко «Каракалпаки Хорезмского оазиса». В кн.: Труды Хорезмской экспедиции АН СССР, т. I, стр. 480.

¹⁶ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков IV—VIII вв. М.—Л., 1948, стр. 75.

¹⁷ С. Г. Агаджанов. Туркмены и огузы (рукопись), стр. 49.

«чиле» (40 дней после рождения). Если рыбака преследовали в рыбной ловле неудачи, то он вспоминал, кому из женщин, находящихся в чиле, он накануне продал рыбу. И если, наконец, находил «виновницу», то в течение семи дней ежедневно должен был бросать в огонь куски рыбы, накапав предварительно на них молоко матери новорожденного, находящегося в «чиле».

Считалось «богоугодным» есть рыбу стерлядь; это нашими информаторами объясняется тем, что стерлядь очень редко ловилась в Каспийском море.

Сохранилось множество легенд и суеверий, связанных с рыбой «азатмахи» (по словам рыбаков, так называется лосось). Азатмахи очень вкусная рыба, она редко попадает в сети, и рыбак, поймавший азатмахи, должен был разделить ее между соседями (обычно ее делили на семь кусков).

Существует легенда, по которой однажды пророк Сулейман потерял на море свое волшебное кольцо. Он поднял на ноги всех рыбаков, которые изловили множество рыб; среди них была рыба, проглотившая кольцо Сулеймана. Рыба заговорила человеческим голосом и вернула пророку его кольцо. За это Сулейман отпустил её и назвал «азат махи» (свободная рыба).

По поверью, тюлень произошел от человека, и поэтому его повадки до сих пор напоминают человеческие. В легенде говорится, что некогда жил один богатый человек, который отказался уплатить «зякат», за что один из «святых» проклял его и превратил в тюленя. Поэтому тюлень считался «мекру», то есть недозволенным для употребления в пищу животным. Лишь в исключительных случаях, если человек умирал с голоду, разрешалось есть мясо тюленя.

У туркмен Северного Прикаспия существовало поверье, по которому в море обитают злые духи. Рассказывают, что некогда один рыбак, проведший ночь на берегу, сошел с ума и потерял дар речи. Морской злой дух, по поверьям, может сковывать людям руки и ноги, искривлять рот и т. п.

Все эти суеверия восходят к домусульманским поверьям, получившим позднее мусульманскую окраску. В этом отношении весьма показательна легенда о превращении в тюленя жадного богача, не желавшего платить духовенству «зякат».

Как известно, религиозные пережитки и суеверия использовались имущими классами и мусульманским духовенством для безнаказанной эксплуатации народных масс, для удержания их в темноте и невежестве.

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН

Под редакцией кандидата исторических наук С. Г. Агаджанова
и кандидата исторических наук А. Оразова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТУРКМЕНИСТАН“
АШХАБАД — 1965

Работа посвящена этнографии туркменского народа в прошлом и настоящем. В сборник вошли статьи о семье, браке, свадебных обрядах, а также о материальной и духовной культуре туркмен.

Предлагаемая книга также содержит материал о локальных особенностях и специфике туркменской народной одежды и этнической истории туркмен-салыров.

Книга рассчитана на этнографов, историков, преподавателей вузов, школ и студенчество.

К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ ТУРКМЕН-САЛЫРОВ В XVI — НАЧАЛЕ XX в.

Туркмены-салыры являются древним туркменским племенем, занимавшим особое место в огузско-туркменской среде. В героическом эпосе огузов „Книге моего деда Коркуда“, „Огузнаме“ сказания о салырах занимают главенствующее место. Судя по данным источников, салыры одними из первых приняли исламство и играли большую роль в распространении ислама среди огузов-язычников. У автора XI в. Махмуда Кашгарского, в его „Диван лугат ат-тюрк“, в списке огузских племен салыры занимают пятое место и имеют тамгу, изображающую гусиную ножку (газаяк). Салыры были хорошо известны историку после-монгольского периода Рашид-ад-Дину, жившему в XIV в. У него мы находим подробные сведения о родоплеменном делении, нравах и обычаях огузов.

В источниках XVI—XVII вв. салыры упоминаются в составе мангышлакских туркмен. Здесь они стояли во главе объединения так называемых „дашки“ салыров (внешних салыров), в которое входили собственно салыры или „ички“ салыры (внутренние салыры), а кроме них эрсары, теке, иомуты и сарыки.

В результате двухкратного посещения полуострова Мангышлак в 1959—1962 гг. мы собрали интересный историко-этнографический материал о туркменах, входивших в этот племенной союз. Материалы, собранные на Мангышлаке и среди салыров в Ходжамбасском и бывшем Серахском районах Туркменской ССР, в сочетании с письменными источниками, дают возможность

восстановить в какой-то мере их историю мангышлакского периода.

Невозможно изучить историю салыров обособленно, не привлекая данные о других туркменах, тем более о туркменах, входивших в группу „внешних салыров“.

Начиная от залива Кара-Богаз-Гол — на юге до полуострова Бузачи — на севере в прибрежной полосе разбросаны многочисленные кладбища туркменских племен с обозначением на надгробиях их тамги — родоплеменных знаков. К сожалению, здесь, кроме кладбищ и развалин мечетей с изображением на них различных бытовых сцен и надписей, почти ничего не сохранилось. Нам удалось обнаружить очень мало следов поселений, глинобитных или каменных построек, находок из предметов быта. Малое количество поселений и жилищ оседлого типа свидетельствует о том, что здесь туркмены в основном жили в юртах. Правда, иногда мы на севере Кара-Богаз-Гола встречали круги, сложенные из камня, диаметром 5—6 метров. Неизвестно, были ли эти круги фундаментами юрт или же загонами для скота.

Таким образом, основными материалами для изучения истории туркмен Мангышлака являются остатки кладбищ и мечетей и этнографические материалы. Судя по надписям и другим данным, эти памятники материальной культуры туркмен северного побережья Каспия датируются XVI—XVIII вв.

По словам информаторов Сарсан Ходжаева¹ и Нургельды Молла², лет 30 назад на территории полуострова Мангышлак жили туркмены-эрсары, салыры, сарыки, кайы, баяты, эски, эреки и др. Последними из Мангышлака ушли эрсары и салыры. Причиной их ухода была засуха, из-за которой погибло множество скота.

Результаты обследования памятников культуры на северном побережье Каспийского моря подтверждают рассказы информаторов. Кладбища и мечети с родовым знаком салыров встречались почти повсеместно,

начиная от посёлка Чагыл и далее на северо-запад. Эти родовые знаки были в различных вариантах ▲, ▼, ▽¹.

Как известно, после ухода основной массы салыров из Западной Туркмении, незначительная их часть осталась там и впоследствии вошла в состав иомудов-джафарбаев и огурджали. Потомки их живут в различных районах Западной Туркмении, смутно помня о своем происхождении. Подразделение бехельке иомудов-джафарбаев имело тамгу ▲, носящую название „газаяклы“. Тамга „газаяклы“ встречается у туркмен Центральных Кара-Кумов (в Дарвазе), у нуратинских туркмен в Самаркандской области². Кстати, ходжамбасские салыры рассказывали о группе салыров, проживающих в горных районах Самарканда. По сообщению Э. Р. Тенишева (Институт языкознания АН СССР), салыры, живущие в Китайском Туркестане, своей прародиной считают Самарканд и ушли оттуда в Китай примерно во второй половине XV в.

У казахов-адайцев Мангышлака имеется тамга ▲, и она имеется также на большинстве казахских надгробий. Вероятно, этот знак, как и некоторые другие знаки, был ими позаимствован от живших здесь до них туркмен. Итак, более или менее признанными у салыр тамгами являются вышеприведенные знаки.

Изучая Мангышлакский период истории салыров, нельзя рассматривать их обособленно, без связи с группой туркмен, входивших в племенной союз „внешних салыров“. Не случайно наши информаторы на Мангышлаке, рассказывая какую-нибудь легенду о жизни мангышлакских туркмен, очень часто те или иные события связывали одновременно с эрсары, салырами, сарыками и т. д.

По данным этнографии (рассказы старожил), подтверждаемым памятниками материальной культуры, 300—400 лет тому назад на Мангышлаке жили туркменские племена — салыры, сарыки, баяты, эрек, эски, эрсары и кайы. Мы не обнаружили никаких следов пребывания здесь теке и иомудов, входивших,

¹ Из посёлка Гызыл Озень, Шевченковского района, Каз. ССР.

² Из посёлка Баутино, того же района. Оба информатора принадлежат к потомкам некогда обитавших на Мангышлаке туркмен-абдалов.

¹ По данным Махмуда Кашгарского, Рашид-ад-Дина и Абульгази, в XI—XVII вв. салыры имели именно такие родовые знаки.

² В. В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 19.

согласно данным Абульгази, в состав „внешних салыров“.

До последнего времени, среди более поздних насельников Мангышлака — туркменов човдурского объединения и казахов — сохранялось множество преданий о жизни выше перечисленных племен¹. Ценными источниками для изучения истории туркмен, в частности салыров, служат архивные материалы и труд Абульгази „Родословная туркмен“. Среди туркмен-салыров Ходжамбасского и бывшего Серахского районов Туркменской ССР до сих пор, в памяти старожилов, сохраняются предания об их жизни на Мангышлаке. По преданию, распространенному среди салыров, на Мангышлаке имеются водные источники, засыпанные ими землей, но стоит салырам возвратиться туда и раскопать их, как оттуда опять пойдет вода. Среди серахских туркмен бытует и сейчас выражение: „Мангышлада мамак бар, барсаң бакыр тапылмаз“ (у ходжамбасских салыров: „Мангышлада бакыр бар, барсаң гуры такыр бар“) — „По слухам на Мангышлаке всего много, но придешь туда, застнешь одну степь“.

Следует также отметить, что у серахских салыров имелась в прошлом родовая группа „мангышлалы“ (мангышлакские) как напоминание об их жизни на Мангышлаке.

Согласно седжере² (родословной) туркмен, найденной в Западной Туркмении, в старые времена на Мангышлаке туркмены-човдуры и салыры жили по соседству. Вожди их были друзьями, и эти два племени жили в мире и согласии. Однажды, когда у вождя салыров родился сын, он устроил большой пир. На пир не явился вождь човдуров, и салыры затаили в себе обиду. Впоследствии, на вопрос вождя салыров, почему вождь човдуров не явился поздравить

его с рождением сына, последний сказал: „Убей своего сына, так как он вырастит хитрым („бүкри“, буквально „горбатый“) и посеет вражду между нашими двумя племенами“. Но вождь салыров не поверил ему и не последовал совету вождя човдуров, и его сын действительно вырос горбатым. После смерти отца он стал во главе салыров. Однажды к нему в гости пришел човдурский старшина (кетхуда), но никто не встретил его у дома, и когда тот вошел в юрту букры даже не встал со своего места. Кетхуда човдуров очень обиделся, и, сказав ему неприятные слова, ушел. Так началась вражда между этими двумя племенами (ил). Човдуров было гораздо больше и они одолели салыров, которые вынуждены были уйти в сторону Мары.

Это событие, изложенное в седжере, в некоторой степени подтверждается архивными материалами. Например, в дневнике астраханского купца Степана Бахмурова, вернувшегося из Мангышлака в 1645 г., говорится следующее: „... туркмены, кочевавшие в эти годы на Мангышлаке, разделялись как бы на два поколения или рода: салыр, живших вблизи Караганской пристани, и човдур, отстоявших от них кочевьями в двух днях степной езды и расположившихся около Кабаклыкского пристанища; здесь же выясняется, что човдуры в то же время были ближайшими соседями калмыков, пересылавшихся с ними послами и уже подчинивших их своему влиянию“¹. На основе полевых материалов и письменных источников, мы можем предположить, что на вышеупомянутой территории жили салыры и близкие им туркменские племена.

На Мангышлаке салыры, как и другие туркмены, занимались в основном скотоводством. Здесь до сих пор сохранились старые колодцы, носящие названия отдельных салырских родов. Например, колодец Караманлы, вероятно, принадлежал караманам — крупному подразделению салыров. Территория, населенная салырами, была пригодной в целом для ведения скотоводства. На полуострове Мангышлак имелись,

¹ Об этом см. нашу статью „Материалы по этнографии мангышлакских туркмен“. Труды ИИАиЭ АН ТССР, т. VII, Ашхабад, 1963.

² Это седжере было передано Бегджановым Амандурды (из Джебела) в рукописный фонд Института литературы АН ТССР (инв. № 2040). Седжере включает в себе „Родословную туркмен“ Абульгази, к которой неизвестным автором написано дополнение, где описаны события из истории туркмен до 1881 г.

¹ А. Чулошников. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (МИУТТ), ч. 1, Л., 1938.

однако, и местности (Удек и др.), где можно было заниматься и земледелием. Там до сих пор сохранились незначительные водные источники, служащие сейчас в основном для водопоя скота. Кое-где сохранились старые, полувывсохшие тутовые деревья, посаженные, по словам местных жителей, туркменами. По преданию туркмен-абдалов, в давние времена на Удеке во время свадеб устраивались скачки. Во время этих скачек один наездник из племени махтум съехал с седла, лошадь поволокла и разбила его тело о камни. Тутовые деревья, сохранившиеся здесь, якобы, выросли на местах, где была пролита его кровь. Поэтому туркмены в прошлом считали эти деревья священными (өвлүйә).

Таким образом на Мангышлаке¹ салыры в основном занимались скотоводством и отчасти земледелием (главным образом возделыванием зерновых и бахчевых культур).

Когда же салыры ушли из Мангышлака и в каком направлении? Ответить на вопрос о времени ухода салыров точно невозможно. Во-первых, потому, что это передвижение было неодновременным. Но судя по архивным делам, салыры в 1645 г. жили на Мангышлаке² и лишь с начала XVIII в. начинают появляться сведения о них в пределах Хивинского ханства. Основная масса салыров, по-видимому, ушла в Хиву, а незначительная часть их ушла на юг, то есть на Балханы, где они впоследствии ассимилировались с иомутами. Во время исследования этнографии прибрежных туркмен в этом районе было выявлено множество эрсаринских и салырских семейств, помнящих о своем далеком происхождении. По всей вероятности, подавляющее большинство салыров ушло в пределы Хивинского ханства через плато Усть-Юрт. Хивинские источники XVIII в. дают много сведений о салырах, обитавших в пределах ханства, об их военной службе при ханском дворе. Есть некоторое основание предполагать, что салыры были приглашены самим ха-

ном для противопоставления «мятежным» иомутам.

Среди потомков туркмен-салыров Серахса сохранилось очень много сказаний и преданий о пребывании в прошлом салыров в пределах Хивинского ханства. По широко распространенной легенде, один святой (имени которого не помнят), предсказывая судьбу племени салыров, сказал: „В конечном итоге салыры должны собраться в Серахсе, но, возможно, даже в Куны-Ургенче, и не знаю, назвать ли мне еще и Мешхед-и Мисриан (Салыр соңы Сарагт, галыберседе Көнеүргенч, Машади-Мисриан дийсеммикәм я-да диймеммикәм?).

О жизни салыров в Хивинском ханстве и об их отношениях с иомутами, жившими там до них, рассказывается в предании о салырском предводителе Тенеке. Это предание записано Г. И. Карповым и П. Б. Арбековым в Серахсе в конце 20-х годов от информаторов Мурада Бердыева и Таджики Нургельдыева: „До прибытия в Серахс салыры жили в Хиве, в районе Ташауза и состояли в подданстве хивинских ханов... Руководителем у них был некто Тенек из рода кичи-ага, колена башарджа. У Тенека были два помощника из рода ейке: Оде Менгли и Курбан Менгли. В результате длительной борьбы, салыры получили возможность перекочевать из Хивинского ханства. Бухарский эмир поселил салыров в Саятском районе. Здесь Оде и Курбан восстали против него. Причиной восстания было то, что Тенек хотел стать полновластным ханом. Тенек решил отомстить своим помощникам и потребовал от эмира бухарского, чтобы Оде Менгли и Курбан были казнены. Эмир согласился и дал распоряжение повесить Оде и Курбана. Спустя два-три года после казни Оде и Курбана, подросший брат Оде Менгли — Ит Баши решил отомстить за кровь своего брата. Он убил Тенека и сделался салырским ханом. Эмир бухарский, желая предотвратить распри среди салырских родов на почве убийства Оде, Курбана и Тенека, переселил часть салыров во главе с Ит Баши из Саятского района в Серахский (последний в то время входил в состав бухарских владений). Переселение салыров в Серахский район, по сведениям Бердыева

¹ В понятие «Мангышлак» входит не только Мангышлакский п-ов, но и пространство, окружающее его с севера (п-ов Бузачи), востока и юга (вплоть до Кара-Богаз-Гола).

² МИУТТ, ч. I, стр. 75.

и Нургельдыева, произошло примерно 150 лет тому назад. Ит Баши умер через три-четыре года. Без хана салыры начали заниматься аламанами. Персы окружили их в Старом Серахсе и часть их увели, а другая часть бежала в Иолотань, Тахта-Базар и Афганистан. 110 лет назад салыры вернулись в Серахс¹.

„Второе поселение салоров в Серахсе ... относится к тому моменту, когда в семье одного из рассказчиков родился ребенок, названный по имени Джемшидского хана Яламдаш. Яламдаш был 80-летним стариком, когда рассказчику Таджику Нургельдыеву было 10 лет. Ныне Таджику Нургельдыеву 42 года (80+(42-10)=112). По официальным данным, дело происходило в 1833 г.“¹

Теперь считаем целесообразным привести предания несколько другого содержания. Записаны они от 84-летнего Гуртгельды-ага и 70-летнего Шамурата Пирниязова (колхоз им. Ленина, Серахского участка, Тедженского производственного управления) и несколько разнятся между собой.

По первой версии, жена одного салырского бая из Куня-Ургенча увидела сон и рассказала его своему мужу: „О бай, я видела во сне привязанную в центре юрты саблю, по которой текла человеческая кровь“. По толкованию жены, у бая должен был родиться храбрый и энергичный сын. Вскоре у него действительно родился сын, которому дали имя Тенек (юрта этого бая располагалась на краю аула).

По другой версии, Тенек, происходивший из салыров, был сиротой, которого усыновил один иомутский бай. Тенек пас его верблюдов; со временем он совершил много ратных подвигов. Иомуты испугались и решили избавиться от него, но не знали, как это сделать. В конце концов, иомутские вожди решили использовать Тенека для набегов (аламанов) в Иран и попросили его возглавить эти набеги. Во время одного аламана Тенек отбил стадо баранов у иранского сипахсалара (наместника). Иранское войско, состоявшее из всадников с арбами, груженными провизией, преследовало Тенека и его товарищей. Тенек

остановил своего коня у узкого горного прохода и велел своим всадникам угнать стадо, а сам остался охранять проход. У Тенека был „желтый лук“ (сары яй), тетива которого была сделана из сухожилий ноги верблюда, пропитанных животным клеем. Чтобы стрелять из такого лука, необходимо было иметь большую силу. Тенек, став у прохода со своим луком, не пропустил вражеское войско. Тогда сипахсалар вынужден был заключить с Тенеким перемирие и обещал ему свою помощь, если когда-нибудь она понадобится. Тенек с добычей возвратился домой.

Однажды Тенек, взяв с собой переметную сумку (хоржун), наполненную деньгами, сел на двугорбого верблюда (айры) и отправился на базар. Тут он увидел одного человека из салыров, продававшего кумыс (гымыз), над которым издевался некий Овез Есер (Овез Есер был главарем сорока иомутских всадников). Тенек подошел к продавцу кумыса и спросил его о причине происходившего, на что тот ответил, что он салыр-бедняк, поэтому его и обижают. Тенек сказал ему, чтобы он потребовал от Овеза деньги за кумыс. Но Овез Есер, услышав, что продавец кумыса осмелился требовать у него деньги, начал бить его. Тенек, наблюдавший за этой сценой, подъехал на верблюде и, обращаясь к Овезу сказал: „Если ты настоящий сердар (военачальник), то не должен поступать так и обижать бедняка, а если ты действительно хочешь творить насилие над кем-нибудь, то твори над баями (богачами)“. На это Овез ответил Тенеку: „Не вмешивайся в ссору и занимайся своими делами“. Услышав это, Тенек разгневался и ударил его несколько раз плетью. После этого случая всадники Овеза Есера стали стыдить его, говоря, что он убежал даже от „черного (гара) салыра“. Овез сказал им в ответ, что у Тенека глаза были такие „острые“, что отняли у него силу.

Согласно второй версии этого предания, Тенек, возвратившись домой, обратился к отчиму с просьбой отпустить его к своему народу (ил). На это отчим ответил: „Храбрец всегда найдет своего истинного отца („Гочум атасыны тапар“). Он согласился отпустить Тенека и просил не забывать о нем. Тенек возвратился к своему народу (салырам), жившему тогда

¹ Г. И. Карпов, П. Б. Арбеков. Салыры (салоры), „Туркменоведение“, 1930, № 6—7, стр. 26.

разрозненными группами где-то на краю Хивинского оазиса. По этому случаю родной отец Тенека устроил большой той (праздник), на который были приглашены влиятельные иомуты, которым отвели отдельную юрту. После пира салырские старшины просили приглашенных иомутских старшин отвести им место для поселения в Куня-Ургенче. Иомуты согласились уступить им земли в местности Акджа-Кала (в Куня-Ургенче). Некоторое время салыры жили в соседстве с иомутами. Однажды упомянутый выше Овез Есер насильно отнял жену-красавицу у одного салыра. Это вызвало недовольство у остальных салыров. Тенек, живший в то время среди салыров, призвал своих 40 всадников и вместе с ними решил пойти к двум братьям-богатырям (пэлван) из салыров — Оде Менгли и Курбан Менгли. Тенек со своими 40 всадниками прибыл к Оде и Курбану, отец которых был баем. Когда прибыл Тенек, он отдыхал в своей большой восьмикрылой юрте (секиз ганатлы өй)¹. Бай приказал своим слугам зарезать барана и угостить гостей. После угощения Тенек вынул из футляра свой нож с рукояткой из слоновой кости (ширмайы саплы пычак), воткнул его посередине ковра и обратился к баю со словами: „Бери этот нож и сражайся за честь салыров или же предоставь это своим сыновьям-богатырям“. Бай не знал сначала как поступить, а затем, подумав, решил спросить согласие своих сыновей. Оде Менгли и Курбан Менгли, которые, кроме Тенека, были единственными богатырями, могущими натянуть сары яй, согласились стать нукерами (воинами) Тенека.

На следующий день Тенек приказал своим всадникам явиться в полном вооружении. Дождавшись ночи, они отправились к юрте Овеза Есера, которая находилась на краю аула. Оставив лошадей, нукеры Тенека подкрались к жилищу Овеза и попросили его выйти из юрты. Овез ответил, что он раздел и не может выйти. Между тем Овез подошел к двери юрты, поднял „энси“ (коврик, служивший для закрытия входа в юрту), и, увидев Тенека и его воинов, убежал из юрты. Один из воинов Тенека по имени Гара Тога-

лак заметил это и стал преследовать Овеза. Гара Тогалак бросил в Овеза свою саблю и ранил его. Подъехали другие нукеры, отрубили Овезу голову и прикрепили ее к двери юрты. Они забрали с собой его дочь и выдали её замуж за того человека, у которого Овез отнял жену.

На следующий день это событие стало известно всем иомутам, и они начали враждовать с салырами. Последние срочно созвали совет старейшин, на котором их родовая знать — Ходжаназар-бай, Елим-бай и другие — обещали в случае войны с иомутами пожертвовать все своё состояние.

Все салыры, в том числе и Тенек со своими нукерами, собрались в крепости Акджа-Кала, где были осаждены иомутами. Однако часть иомутов помогала окруженным салырам водой, хлебом и другим продовольствием. Иомуты обещали снять осаду, если салыры выдадут им Тенека и его нукеров. Но салыры отказывались выполнить это требование. Затем Тенек вспомнил обещание иранского сипахсалара. Он стал искать пути для передачи ему просьбы о помощи. Тенек попросил Ходжаназар-бая дать ему своего знаменитого коня породы „араби“. Сев на коня, он выехал из крепости, делая вид, что едет для переговоров, а затем быстро ускакал, минуя лагерь иомутов. Достигнув ворот крепости иранского наместника, Тенек надел на шею в знак траура черный войлок и стал ждать приема. Затем он рассказал сипахсалару, что иомуты окружили салыров и творят насилие над ними. Наместник дал Тенеку большое войско в полном вооружении. Услышав о прибытии иранского войска в Куня-Ургенч, иомуты сняли осаду Акджа-Калы. Тенеку удалось предотвратить дальнейшие столкновения с иомутами. После этого салыры стали переселяться из Куня-Ургенча: часть из них поступила на службу к бухарскому эмиру, а затем поселилась в Ходжамбассе, а другая — ушла в Иолотань.

Приведенные выше легенды о предводителе салыров Тенеке очень отличаются друг от друга. В этих преданиях, как, впрочем, и в других, много вымышленного и неточного. Но в целом они отражают события, имевшие место в XVIII—XIX вв. Предание,

¹ Средней юртой у туркмен обычно считалась четырехкрылая юрта.

записанное Г. И. Карповым и П. Б. Арбековым, по нашему мнению, отражает события, происшедшие уже в пределах Бухарского эмирата, и является как бы продолжением записанной нами легенды. Поэтому начнем свой анализ со второго из вышеприведенных преданий.

Судя по этому преданию, салыры, переселившиеся в пределы Хивинского ханства (в район Куны-Ургенча), первоначально жили на окраинах оазиса и, вероятно, не имели права ни на воду, ни на землю. В этот период они во многом зависели от иомутов, которые предоставили им место для поселения в Акджа-Кале. В преданиях, однако, сведения о начальном периоде жизни главного героя событий — Тенека — весьма разноречивы. Но можно предположить, что Тенек в детстве был насильно (или каким-то другим путем) отнят у родителей. Вырос он в байской иомутской семье, которая его „усыновила“ и использовала в качестве пастуха. В этом предании нашло также свое отражение зависимое и униженное положение салыров, которые жили среди иомутов на правах „пришельцев“ (гелмишек). Иомутские баи нередко творили насилие над ними (действия Овез Есера). В результате чаша терпения салыров переполнилась, и они выступили открыто против иомутской знати. В борьбе салыров с иомутами приняли участие и иранские войска. После ряда стычек и столкновений салыры переселились из хивинского оазиса.

Неприязненные отношения между салырами и иомутами были использованы Хивинским ханом для упорочения своей власти над туркменами. Так, например, салыры были использованы ханом для подавления восстания иомутов в 1768—1769 гг.

Согласно преданиям, после переселения салыров в пределы Бухарского эмирата, попытка Тенека возглавить салыров единолично встретила сопротивление его бывших помощников Оде и Курбана Менгли. Бухарский эмир, боясь распрей между салырами, разъединил их: часть салыров была переселена в Серахс, а другая осталась на Аму-Дарье.

В преданиях представляет интерес упоминание о некоторых сторонах быта (жизни) салыров. Вероятно, занимаясь преимущественно кочевым скотоводством,

салыры тогда употребляли в качестве напитка кумыс, который в настоящее время туркменами вообще не изготавливается. Разводили, вероятно, двугорбых верблюдов породы „айры“, которые отличались выносливостью, особенно в период холодов и морозов. Небезынтересно, что в преданиях как грозное оружие упоминается „желтый лук“ со стрелами (сары яй). Кстати, изображение лука и стрелы мы часто встречали на туркменских памятниках Мангышлака. Лук и стрела являлись одним из основных видов оружия туркмен в средневековый период; позднее наряду с ними они применяли кремневые ружья, сабли, боевые топоры (айпалта), пики и другое оружие; их изображения имеются на надгробных памятниках туркменских воинов. В преданиях упоминаются также просторные юрты с восемью крыльями (ганат), принадлежавшие баям.

В целом предания, связанные с именем Тенека, при критическом их анализе, дают возможность проследить историю переселения салыров в Хиву и Бухару. Однако какая-то часть салыров все же осталась в Хивинском оазисе и впоследствии ассимилировалась с местным населением (например, группа ала-белек)¹. Аналогичное подразделение, под названием „ала бөрүк“, имеется у серахских салыров. Более того, информаторы рассказывают о группе салыров „ала-белек“, проживавшей в Куны-Ургенче.

По свидетельству 85-летнего Байрамали-ага, в то время, когда салыры жили в Хиве, хану однажды донесли, что они грабят соседей и что их нужно посылить среди других племен. Хан, поверив этому доносу, отправил против них свое войско, которое взяло в плен трех влиятельных салырских старейшин (кетхуда). Старшины стали уверять хана, что за ними придет весь салырский народ и выполнит волю хана. На третий день Хивинский хан вызвал к себе этих старейшин и спросил их, почему салыры до сих пор не явились для выражения покорности. На это старшины ответили, что они собираются навсегда посе-

¹ См. Г. П. Васильева. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. Труды ИИАиЭ АН ТССР, т. VII, стр. 17.

литься на местах, отведенных им ханом, и поэтому просят его не торопить их. По истечении 10 дней старшины заявили хану, что они выдумали историю о согласии салыров подчиниться приказу хана и тем самым дали возможность салырам перекочевать за пределы ханства. При этом они выразили готовность понести любое наказание. Хан решил казнить их через повешение. Один из старейшин, обращаясь к хану, сказал: „Если ты добрый и благоразумный — отпустишь нас, если ты палач — то убьешь, а если торговец — продашь нас в рабство (Эгер сахы болсаң, гойберерсин, гассап болсаң, өлдүрерсин, бакгал болсаң сатарсын). От того, что ты убьешь нас, салыры не возвратятся обратно“. После этого хан отпустил их к своему народу.

Салыры, вступая в пределы Бухарского эмирата, разделились на две части — одна поселилась на правобережье Аму-Дарьи и поступила на службу к эмиру, а другая, после непродолжительного пребывания, переселилась в Иолотань. В то время в Мургабском оазисе жили сарыки. Вскоре салыры решили перекочевать в Серахс, где было много свободных и плодородных земель. По совету влиятельного и знатного старшины Гутламет Сопы салыры расселились вокруг крепости Старый Серахс. Земля была плодородная, и салыры быстро оправились от бедственного положения — результата частых переселений. Но спокойная жизнь салыров длилась недолго. Зажиточная часть салыров вскоре начала совершать грабительские набеги на соседние районы Ирана. Это послужило поводом для организации ответных набегов иранцев.

Салыры были разгромлены и разбежались в разные стороны: Иолотань, Кара-Тепе, Чакмаклы и другие места. Многие из них были взяты в плен и проданы в Кизыл-имаме по цене 5 тылла за каждого раба.

Этот рассказ, в целом правдиво отражающий историю салыров, даёт представление о разных сторонах тяжелой жизни салыров в течение последних двух столетий. По многим данным, часть салыров из пределов Бухарского эмирата переселилась в верховья Мургаба, то есть в Пендинский оазис в первой четверти XIX в. По подсчёту же Г. И. Карпова и П. Б.

Арбекова, переселение салыров в Серахс произошло около 1780 г. Переселение салыров из Хивы происходило примерно в середине 50-х годов XVIII в. На пути передвижения салыров на Аму-Дарье, в местности Джигирбэнд (в 50 км к северу от Дарган-Ата) сохранилось кладбище с их племенными знаками (тамга). Значительная же часть салыров осталась в оазисах Бухары и на берегах Аму-Дарьи. До недавнего времени в Бухарской области Узбекской ССР можно было встретить потомков этих салыров, которые в целом обузбечились по одежде, языку и обычаям¹. В силу разобщенности мало самобытного в быту и культуре сохранилось у аму-дарьинских салыров (за исключением ходжамбасских кырк-өйли); они сохранили лишь воспоминания о своем происхождении и бывших родоплеменных названиях. Большинство из этих названий совпадают с дореволюционными названиями родоплеменных подразделений салыров Серахса, что свидетельствует об общности их происхождения. Таковыми являются аму-дарьинские яйчи (лучники) и серахские яджи. Более того, большинство туркмен-салыров аму-дарьинских районов (по-видимому, сюда не входят ходжамбасские салыры), по материалам Я. Р. Винникова, относили себя к крупному подразделению салыр-кичи-ага.

Таким образом, салыры, начиная со второй половины XVIII в., расселились почти по всему побережью Аму-Дарьи и отчасти в районах, прилегающих к Бухаре. Основная же их масса переселилась в верховья Мургаба, то есть в Пендинский оазис, а в самом Мургабском оазисе в то время жили туркмены-сарыки, поселившиеся здесь незадолго до них. Жизнь в Пендинском оазисе для салыр была не из легких; они должны были служить здесь барьером от грабительских набегов соседей. Неслучайно салыры здесь вынуждены были строить укрепленные крепости, где укрывались во время нападений. До сих пор в Пендинском оазисе сохранились развалины крепостей, носящие названия салырских родов или же принадлежавшие им (Укурджикли-Кала, Алам-кала и др.).

В 1822 г., по сообщению Дж. Фразера, в районе

¹ См. наши полевые записи 1954 г.

Серахса, вокруг развалин старого города жили туркмены и узбеки¹, но у него нет никаких данных о племенной принадлежности этих туркмен. В то же время он сообщает, что племя Салыр Казана, или салыры (the Sullur Gazun, or Solers), является одним из сильных племен, населяющих не только степи левобережья Оксуса (Аму-Дарьи), но и обосновавшихся также на правом берегу, по всему Мавераннахру и по другим странам к северо-востоку от него, вплоть до Китая². Он упоминает еще о племени Салыр Казана, кочевавшем около Бухары³. Однако, все это вовсе не означает, что салыры в то время не могли быть в окрестностях Серахса, а упоминаемые Дж. Фразером салыры, поселявшиеся по обеим сторонам Аму-Дарьи вплоть до Китая, жили там и позднее, а их потомки живут там и ныне.

К 1832 г. мы располагаем точными данными о нахождении салыров в Серахсе. Так, А. Борнс, проезжавший через Мерв и Серахс из Бухары в Иран в 1831—1832 гг., писал следующее: «Чарак⁴ есть местопребывание туркманов салорских, благопристойнейших из всего народа! Тут водворено 2000 семейств, которые в случае нужды могут выставить в поле такое же число лошадей самой лучшей крови. Когда же они не в силах бороться с неприятелем, то бегут в степь, расстилающуюся пред ними и там ожидают, пока минует опасность. Они оказывают притворное и слабое повиновение как Ургенджу, так и Персии: одна только грозная сила держит их в подчиненности. Когда мы находились в Чараке, жители его держали в цепях какого-то персидского посла и отказывали хану Хивинскому в праве транзита, которое они обещали ему за месяц до этого; в то время как он находился в их соседстве. Такие примеры поясняют их характер...»⁵

¹ J. B. Fraser, Narrative of a journey into Khorosan, in the years 1821 and 1822. Including some account of the countries to the north-east of Persia; with remarks upon the national character, government and resources of that Kingdom. London. 1825, стр. 245.

² Fraser. Указ. работа, стр. 258.

³ Там же (appendix, part II), стр. 90.

⁴ Чарак — искаженный в переводе с английского языка на русский Серахс.

⁵ А. Борнс. Путешествие в Бухару, М., 1850, ч. III, стр. 73.

Сведения, сообщенные А. Борнсом, не вызывают сомнений, так как он долго жил в Серахсе в доме одного влиятельного салыра. За время пребывания в Серахсе он изучал политическую историю, быт и нравы салыров. Судя по его сообщению, в начале 30-х годов XIX в. салыры не подчинялись ни Хиве, ни Персии. В случае нападения соседей, они вынуждены были разбирать свои кочевые жилища „хиргахи“ и перекочевывать на другое, скрытое место. Серахс, находясь между Персией и владениями туркмен-текинцев и сарыков, часто служил ареной кровопролитных боев между ними, от которых в первую очередь страдали салыры. Салыры служили для них как бы защитной линией и принимали на себя первый удар от всяких столкновений между ними. Однако салырам вскоре пришлось вновь подвергнуться нападению со стороны Персии. Уже через год, после посещения салыров Серахса А. Борнсом, они, по сообщению Н. Петрусевича, „в 1833 году были разгромлены за свои грабежи Аббас-Мирзою, сыном Фетх-Али-шаха, после того, как он усмирив восставшего владельца Кучана. Салыры заплатили 35 000 туманов контрибуции и выдали заложников, потеряв, кроме того, множество пленных, убитых и раненых во время осады и взятия Серахса. Они убежали в урочище Юлетану, на р. Мургаб и по Герируд у Серахса все сделалось пусто“¹. В результате этого разгрома, салыры вынуждены были просить убежища у текинцев и сарыков. Основная их масса поселилась в Иолотане. Но к 1855 г., когда текинцы вытеснили сарыков из Мерва, последние в свою очередь начали вытеснять салыров из Пендинского оазиса (Тэзе пенде). Салыры, обессиленные частыми переселениями, не могли отстаивать Пендинский оазис. Часть их по-прежнему проживала среди текинцев Мерва, а основная масса салыров к 1858 г. „... откочевала с разрешения персидских властей к Зурабаду. Здесь в горах вода в изобилии, но ручьи текут в узких ущельях и нет места для посевов, а у самого Зурабада равнина,

¹ Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. Записки Кавк. отд. ИМП. РГО, кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880, стр. 26.

годная для обработки, невелика, и воды весьма немного, так что приходится пользоваться арыками из кяризов, а выведение каналов из Герируда ставило бы слишком большие затруднения. Поэтому после двенадцатилетнего пребывания здесь салыры стали проситься на правый берег Герируда к Старому Серахсу. Персы согласились, но требовали, чтобы салоры приняли на себя содержание кордона для защиты персидской границы от сарыков и мервцев¹.

По рассказам информаторов² салыры первоначально жили совместно с сарыками. Но сарыки впоследствии предложили салырам занять местности у Чебенебека и пасти их скот. Спустя некоторое время, салыры „взбунтовались“ и, разграбив стада сарыков, ушли в сторону Ирана. После этого салыры жили в Пули-Хатыне, Гарчаке, Кара-Тепе и Зиреве (Зурабаде). Некоторая часть салыров из Иолотани ушла в Меймене.

По словам информаторов³, салыры в середине XIX в. жили еще в Иолотане, они находились там во время разгрома туркменами Хивинского войска и убийства Мадамин-хана в Канлы-Тепе (вблизи Серахса) в 1855 г.

Местность у Зурабада, по сообщениям информаторов и согласно письменным источникам, была гористой и мало пригодной для посевов. Поэтому они стали просить разрешения у персидских властей на переселение к Старому Серахсу. Персидский наместник Али-Мердан согласился на это и салыры после 12-летнего пребывания переселились к Старому Серахсу, взяв на себя обязательство препятствовать набегам текинских и сарыкских аламанщиков. Это событие произошло в начале 70-х годов XIX в.

По поводу переселения салыров из Зурабада в Старый Серахс Н. Петрусевиц писал в 80-х годах XIX в.: „Почему-то им не понравилось житье у Зура-

бада и они опять-таки, с разрешения персидских властей, перекочевали со стадами к своему прежнему жилищу в Старом Серахсе. Не успели они прожить здесь двух-трех месяцев, как в одну ночь налетело на них большое скопище текинцев Мерва, которые угнали весь их скот, за ними последовали и его хозяева — салыры. Персидский тарнизон у укрепления Новый Серахс не успел опомниться, как все дело было сделано текинцами. Оставалось пуститься в преследование, но на такой подвиг персияне не думали решиться, и потому текинцы преспокойно могли удалиться, не будучи вовсе тревожимы⁴.

По сообщению информаторов, главной причиной этого нападения было опасение текинской знати, что салыры помешают их аламанам в пограничных районах Ирана. Поэтому они стали сжигать жилища салыров и не давали им осесть в Старом Серахсе².

Таким образом, значительная часть салыров была насильно переселена в Мургабский оазис и оказалась среди текинцев. Вожди текинцев во избежание недовольства и волнений салыров „расселили их между всеми своими родами незначительными группами в 10—20 семей“³. Это был старый прием обращения с покоренными соплеменниками. На новых землях салырам пришлось нелегко и они стали проситься на старые места. Салырам не выделили земельных участков для посевов и они вынуждены были батрачить у текинских баев.

По словам информаторов, основная масса салыров жила в это время на территории Мургабского оазиса. К 1880—1881 гг. в Мерве было около 400 кибиток салыров. Кроме того, около 1000 семейств салыров, живших среди сарыков, кочевало по Мургабу⁴.

Во второй половине XIX в. среди салыров выделяется фигура Теке-хана. Он пользовался влиянием не только среди салыров, но и текинцев. До сих пор о

¹ П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров), Спб., 1885, стр. 56.

² Запись от Шамырата Пирниязова (колхоз им. Ленина Серахского участка Тедженского производственного управления), Анна Гаплана (колхоз им. Калинина того же производственного управления).

³ Полевые записи от Ашира Кары из колхоза „Ленинград“.

⁴ Н. Г. Петрусевиц. Указ. работа, стр. 42.

² Запись от Байрамали-ага из колхоза им. Калинина Серахского района.

³ Н. Г. Петрусевиц. Указ. работа, стр. 31.

⁴ П. М. Лессар. Пути из Асхабада к Герату (1882 г.). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI, Спб., 1882, стр. 35.

нем сохранилось множество рассказов и преданий. Теке-хан стремился к объединению салыров в Серахсе. По словам старожил, он был высокорослым, хорошо сложен, любил носить чёрный чекмен. Среди салыров в прошлом существовало поверие, что Теке-хан, якобы, наделен сверхъестественной силой. Ходили слухи, что у него на спине шрам в виде „пятерни пророка“ (пигамбер пенжеси), а это считалось священным знаком аллаха¹.

По рассказам, Теке-хан пользовался большим уважением у предводителя туркмен-текинцев Мерва—Коушут-хана. Однажды жена Коушут-хана, увидев Теке-хана, позвала его и попросила понянуть её ребёнка. Это показалось Теке-хану унижительным и оскорбительным. Выхватив свою саблю из ножен, он бросил её в жену Коушут-хана. Женщина вовремя уклонилась от удара и впредь не осмеливалась обращаться с подобными предложениями к салырскому хану. Коушут-хан, знавший вспыльчивый характер Теке-хана, равнодушно отнесся к его выходке.

Теке-хан остался в памяти населения как предводитель, который содействовал объединению всех салыров, живших в Мервском оазисе и в районе Зурабада. Последнее переселение салыров в Серахс, по словам старожил, произошло приблизительно в 1880 г.

П. М. Лессар писал: „По совету Тыкма-сердара, летом прошлого года (то есть, по-видимому, в 1881 г.— А. Д.) мервцы решили более не задерживать салыров, а отпустить их на старые места (то есть в Старый Серахс— А. Д.)“². Первоначально персидские власти не соглашались отвести салырам место у Старого Серахса, и они занимали территорию от Пули-Хатына до Зурабада, откуда постепенно передвинулись к Серахсу. Салыры-переселенцы жили бедно и вынуждены были обратиться за помощью к персидскому наместнику Али Мердану. По словам информаторов, последний согласился дать салырам в качестве ссуды 40 лошадей и семена для посева. Сверх того, он давал

¹ Кстати, на памятниках материальной культуры туркмен Мангышлака мы повсюду встречали изображение человеческой руки, имевшее, вероятно, символическое значение.

² П. М. Лессар. Указ. работа, стр. 35.

женщинам по 5 рупий (а беременным по 10 рупий)¹. Салыры должны были погасить ссуду и выплачивать персидским властям налог с урожая зерновых. Однако вскоре Мервский оазис и Серахс были присоединены к России, что помешало Али Мердану осуществить свои планы закабаления салыров. После присоединения Мерва и Серахса к России салыры несколько оправились от своего бедственного положения. Теке-хан был признан царскими властями законным ханом салыров. Вместе со своим помощником Менгли-ханом он продолжал свои усилия для собирания салыров в Старом Серахсе. Вскоре сюда стали стекаться салыры из Мары, Иолотани, Зурабада и других мест. В Старый Серахс переселились и отдельные группы из других туркменских племен, покинувших по различным причинам свои насиженные места.

Теке-хан был крупным феодалом, которому принадлежали огромные посевные площади и большие стада, нажитые за счёт налоговых сборов с населения. В частности его собственностью был кырыз, находившийся в 28—30 верстах от Наурузабада. „Кырыз,—писал А. И. Крастилевский,—принадлежит богатому серахскому салыру Теке-хану и служит для водопоя его овечьих стад“².

После смерти Теке-хана ханом салыров стал его помощник Менгли-хан. Но он управлял салырами недолго и в 1916 г. был убит бандитами Азиз-хана.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. открыла новую эру в истории туркмен и положила конец междоусобице. Благодаря ей туркменский народ, в том числе салыры, освободились от вековой эксплуатации „своих“ и соседних феодалов.

Важным событием в жизни туркменского трудового дайханства явилась земельно-водная реформа 1925—1927 гг. Однако подлинный расцвет в экономике и культуре туркменских крестьян начался после коллективизации. В организации первых колхозов в Серахсе,

¹ По рассказам старожил, некоторые женщины, чтобы получить 10 рупий, привязывали к животу подушку.

² А. И. Крастилевский. От Каспийского моря до крепости Кушки. Путевые заметки, Асхабад, 1905, стр. 67—68.

как и в других областях, активную роль сыграла беднота. Дайхане-бедняки Серахса боролись против кулацких элементов и басмачества. Активными борцами за Советскую власть были Шамурад Пирниязов (ныне персональный пенсионер из колхоза им. Ленина), бесстрашный народный поэт Молла-Мурт и другие.

В настоящее время колхозники Серахского участка Тедженского производственного управления живут в благоустроенных колхозных поселках. На смену юртовидным шалашам (мөведекли кепбе) и юртам пришли глинобитные и кирпичные дома с современной планировкой. Ныне потомки бывших салыров составляют часть единой туркменской социалистической нации.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРИБАЛХАНСКИХ ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Одним из интересных и малоизученных вопросов туркменской этнографии является материальная культура — поселения и жилища, одежда и украшения, пища и утварь, средства передвижения и т. д. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в., наряду с общими для всех туркмен элементами, имела и некоторые локальные особенности.

Изучение материальной культуры туркмен, в том числе их отдельных этнических групп, процесса ее развития и изменения, а также взаимовлияния с культурой соседних народов на определенных исторических этапах может дать ценный материал для правильного понимания ряда вопросов, связанных с этнической историей туркмен, а также их торговыми и культурными связями с другими народами.

Задачей данной статьи является изучение на этнографическом материале одежды, украшений, пищи и средств передвижения у описываемой группы туркмен¹, с целью выявления характерных черт и особенностей их материальной культуры, а также процесса ее развития и возникновения в ней новых элементов².

¹ Поселениям и жилищам прибалханских туркмен посвящена специальная статья, опубликованная в VII томе „Трудов Института ИАиЭ АН ТССР“ (серия этнографическая), Ашхабад, 1963.

² Основным материалом для написания этой статьи служили полевые этнографические данные, собранные автором на месте в течение ряда лет (1957—1959 и 1962 гг.) в составе археолого-этнографической экспедиции МГУ и Института ИАиЭ АН ТССР.